Class PG
Book A

~~YUDIN COLLECTION~~

ШАРЛОТТА КОРДЭ

ДРАМА ВЪ IV ДѢЙСТВІЯХЪ

и

СТИХОТВОРЕНІЯ

Варвары Анненковой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1866.

5413.

ШАРЛОТТА КОРДЭ

1028
291

ДРАМА ВЪ IV ДѢЙСТВІЯХЪ

И

СТИХОТВОРЕНІЯ

Варвары Анненковой.

Varvara Nikolaevna Annenkova

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. Траншеля, на углу Невскаго и Владимірскаго просп., домъ № 45—1.
1866.

PG3321
.A7S5

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Апрѣля, 1866 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДРАМА:

стр.

Шарлотта Кордэ 3

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Къ Опекунамъ Европы 77

1864 г.

Совершившійся фактъ. 81
На стихотвореніе Бенедиктова «Борьба» 84
Къ юношѣ. 85
Всегда-ль мечтать 87
Міръ огромная биржа 88
Юноша и старикъ 89
Пшеница 93
Да!... наши предки Римъ спасли!. 95
Ты отрекаешься. 96
Все шире небосклонъ 97
Мой портретъ. 98
Вы вышли за стараго мужа 99
Бѣжать 100
Къ С. П..вой. 101
Старой, что малой 102
Сонъ 105
Къ женщинамъ 109

1865 г.

Нордкапъ 112
Гульфштримъ 113
Поднимайся 114
Кораллы 115
Пѣсня Лапландца 117
Общій другъ. 119
Пчелка 120

ПОѢЗДКА ВЪ СИМБИРСКЪ.

Отъ 18-го Августа до 3-го Сентября 1864 года.

	стр.
Стенька Разинъ	123
Плаваніе	125
На Волгѣ	127
Симбирскъ	128
Конторка Сиверса	130
Разсвѣтъ	131
Симбирскъ	133
Полчаса въ Казани	134
Рубка	136
Голосъ жителей Симбирска	139

ШАРЛОТТА КОРДЭ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Шарлотта Кордэ.
Маратъ.
Петіонъ, одинъ изъ депутатовъ Жиронды.
Президентъ Трибунала Революціи.
Обвинитель Шарлотты.
Шово де-ла-Гардъ, защитникъ Шарлотты.
Судьи.
Присяжныя.
Адамъ-Люксъ, молодой германецъ изъ Маинца.
Гауэръ, Живописецъ.
Содержатель Гостиницы, «Провидѣнія» въ Парижѣ.
Лаваль, Гражданинъ Каэна.
Г-жа де-Бретвиль, тетка Шарлотты.
Марія, подруга Шарлотты.
Бетти, старая служанка Шарлотты.
Альбертина Маратъ, любовница Марата.
Г-жа Ришардъ, жена тюремщика.
Палачь безъ словъ.
Граждане Каэна.
Граждане Парижа.
Проходящія войска.
Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ прежде въ Каэнѣ, потомъ въ Парижѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Городъ Каэнъ. — Широкая улица — въ отдаленіи видны депутаты Жиронды — Луве, Петіонъ — Барбару и пр., тутъ же начальники города — на улицѣ толпы гражданъ, на балконахъ домовъ видны дамы — въ числѣ ихъ послѣ показывается Шарлотта съ подругою.

Голоса народа.

Вы знаете? полки проходятъ нынѣ
Въ предмѣстьяхъ — ужъ музыка слышна —
А много ли найдется волонтеровъ?
Да кажется — есть тысячъ шесть —
Друзья!
Такое ли намъ надо ополченье,
Когда должны мы Францію спасать?
Предать ее Марату въ управленье
Не значитъ ли — на казнь ее предать?
(входитъ Лаваль)
А! вотъ Лаваль!...
Откуда? —

Лаваль.

Изъ Парижа!

Голоса народа.

Скажи — что тамъ?
Разсказывай скорѣй!

Лаваль.

Да вѣсти тѣ-жъ — къ Марату обожанье
И чернью тамъ Маратъ превознесенъ
Маратъ стоитъ, стоитъ какъ грозный обвинитель
И кто при немъ невиненъ будетъ? —

Голоса народа.

Да!
При немъ друзья! правленіемъ гильйотина
И зданьемъ сталъ народнымъ эшафотъ!

Лаваль.

А если онъ, его, какъ слышно нынѣ,
По Франціи разгуливать пошлетъ!

Голоса народа.

Избави Богъ!...
Такъ дѣйствовать живѣе!

Лаваль.

А много ли у Вимпфена полковъ?

Голоса народа.

Увидишь самъ они проходятъ скоро
И мѣстныя начальства собрались
Имъ дѣлать смотръ изгнанниковъ Жиронды
Воззваніе здѣсь войско создастъ!
Да вотъ бѣда!... безпечности въ нихъ много
Не дѣйствуютъ.

Лаваль.

А это кто скажи —
Проходитъ тамъ съ Луве и Петіономъ?

Голоса народа.

Прекраснаго не знаешь Барбару?
Да это онъ герой Марсели юный —
Все также онъ безпеченъ и хорошъ.
Бываютъ дни — защитникомъ свободы
Властительно гремитъ съ каѳедры онъ
А тамъ какъ разъ начнетъ писать посланья.
Да!... знаемъ мы

И есть къ кому писать!
Шарлотта вновь была на засѣданьи
Съ подругою —

Друзья!... чтожъ значитъ это?
Я вижу тутъ къ отечеству любовь
И внукою великаго Корнеля
Не даромъ въ міръ родилася она
Судьба ее не даромъ наградила

И разумомъ, и чудной красотой —
Все такъ друзья!... но съ просьбою какой
Она не разъ къ Марсельцу приходила?
Да какъ узнать?—

(Шарлотта показывается на балконѣ одного изъ окружныхъ домовъ.)

Но тише!... вотъ она!
Прекрасная аристократка наша
Съ подругою
А съ этой стороны
Смотри!... смотри!... развѣялись знамена
Скорѣй туда!... къ товарищамъ друзьямъ!

(Часть народа быстро уходитъ туда, гдѣ слышна военная музыка, оставшійся народъ становится такъ, чтобъ дать мѣсто проходящимъ полкамъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Шарлотта *(на балконѣ къ подругѣ своей)*.

А! вотъ они защитники свободы,
Они идутъ отечество спасать,
Не даромъ такъ знамена эти вѣютъ,
Не Францію-ль они пріосѣнятъ?
И звуки трубъ.... О!... чудны эти звуки,
Какъ въ душу мнѣ торжественно бѣгутъ
И грустенъ часъ для воиновъ разлуки,
Но родину спасать они идутъ.

Подруга.

Иль можетъ быть въ походъ на гильйотину
Идутъ они.

Шарлотта.

О! полно, перестань!
Безжалостно теперь твое сомнѣнье!
Оставь меня забыться хоть на мигъ!
Иль тщетны всѣ усилья, жертвы эти?
Иль средства нѣтъ отечество спасти?
Да! есть одно. —

(Задумывается.)

Подруга.

Когда бы поголовно
Возстали всѣ, — но такъ ли здѣсь идетъ?

Шарлотта.

А много ли записывалось нынѣ
Охотниковъ?

Подруга.

Именъ до двадцати.

Шарлотта.

Какъ мало ихъ! — и въ утро выступленья!
Что дѣлаютъ толпы всѣ эти?... стыдно
Смотрѣть — смотрѣть — тутъ дѣйствовать пора!
Давай имъ пиръ — сей часъ бы всѣ готовы,
А дѣйствовать — тутъ двадцать человѣкъ!
Но средство есть надежнѣе — я знаю,
Да! есть оно. —

Подруга.

Твой вѣрный Франкелинъ
Сей часъ въ числѣ защитниковъ свободы
Пройдетъ онъ здѣсь — несчастный! — знаетъ онъ
Безчувственна къ его ты поклоненью,
Но ищетъ онъ улыбки одобренья,
Но онъ готовъ пожертвовать собой,
Чтобъ только взоръ привѣтный встрѣтить твой!

Шарлотта.

Безчувственна!... увѣрина-ль ты въ этомъ?

Подруга.

Да!... знаю — ты признательна ему,
Но это ли назвать любовью можно,
Но ты ему надежды не дала. —

Шарлотта.

Въ приданое ему-бъ я принесла
Несчастіе — иль этого довольно?

Подруга.

Но вотъ онъ самъ — какъ грустенъ — посмотри!
И чье въ рукахъ его изображенье,
Не знаешь ли?

(*Франкелинъ, поровнявшись съ балкономъ Шарлотты, преклоняетъ предъ нею оружіе, — на глазахъ Шарлотты навертываются слезы, — онъ проходитъ, — въ это самое время подходитъ Петіонъ.*)

Петіонъ (*къ Шарлоттѣ.*)

Какъ блѣдны, грустны вы!
Но что виной? — полковъ ли выступленье,
Но вы-ли-бъ ихъ удерживать могли?
Не вѣрю я — вы жаждете свободы,
Ненавистно Марата имя вамъ
Не чужды вамъ изгнанники Жиронды
Къ чему же грусть?

Подруга Шарлотты (*къ Петіону.*)

Васъ ищетъ Барбару.

Петіонъ.

А! вижу я! — *(къ Шарлоттѣ)*
Къ нему вы благосклонны
Не правда ли? — замѣтилъ я не разъ,
Что какъ-то всѣхъ онъ счастливѣй при васъ.
На первое мы ждемъ васъ засѣданье!

Шарлотта (*вставая съ достоинствомъ.*)

Вы, гражданинъ — не поняли меня,
Современемъ узнаете кто я. —

(*Быстро удаляется — послѣднія дружины проходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3.

Домъ Г-жи де-Бреттевиль. Шарлотта — старая Бетти.

Шарлотта (*Отбирая книги говоритъ Бетти.*)

Вотъ!... книги всѣ возьми и уложи —
По надписямъ, когда меня не будетъ
Подругамъ ихъ — на память обо мнѣ
Доставишъ ты.
Плутарха не бери,
Не тронь, не тронь любезнаго Райналя —
А тетушка пришла изъ церкви?

Бетти.

Нѣтъ.

Шарлотта.

Поди теперь!... ты вѣрно мнѣ служила —
И вотъ!.. возьми на память обо мнѣ
Прощай! прощай!

Даетъ ей денегъ и обнимаетъ ее — Бетти благодаритъ и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Шарлотта *одна*

Беретъ журналъ — и пробѣжавъ нѣсколько строкъ — бросаетъ.

Маратъ!... опять Маратъ!
Иль Францію онъ сдѣлаетъ пустыней!
Куда они — защитники свободы?
Къ чему ихъ путь?... ихъ мало для войны —
Для плахи же ихъ много — слишкомъ много
Иль нѣкому пожертвовать собой
За родину, за ближнихъ — иль напрасно
Великаго во мнѣ Корнеля кровь?
Къ чему-жъ они души моей стремленья
Къ высокому, къ прекрасному любовь?
И жажда та отечества спасенья
И жажда та пожертвовать собой?
Къ чему-жъ они видѣнья тѣ ночныя,
То въ очи мнѣ заглянутъ какъ живыя,
То дивною, незнаемой судьбой —
Влекутъ — куда?
И вы, Плутарха тѣни
Великія минувшихъ поколѣній!
За чѣмъ, за чѣмъ о дивной старинѣ
Вы съ юныхъ лѣтъ высказывали мнѣ?
Для жизни-ль я ничтожества постыдной
Сроднилась вамъ по сердцу, по уму? —
Жить — только жить!... удѣлъ сдваль завидной!..
Быть можетъ такъ, полвѣка жить!.. къ чему?
О жизни-ль рѣчь?... тамъ стоны и рыданья

Не слышны-ль въ нихъ — судьбы моей призванья,
Не слышится-ль? — впередъ — пора впередъ!
Когда мнѣ кто Марата назоветъ?
Маратъ!... Маратъ! — какъ остовъ, какъ могила
Мнѣ тѣнь его республику закрыла!
Не слышится-ль — Маратъ — вездѣ Маратъ
Изгнанники-ль Жиронды говорятъ?
Иль плачь дѣтей — иль матери рыдая
Ко мнѣ!.. ко мнѣ!.. на подвигъ увлекая
Иду!... пора!...
Да! ихъ предупредить
Спасти ихъ всѣхъ — защитниковъ свободы!
Изгнанниковъ Жиронды всѣхъ спасти!
Иду!... иду...
Но эта кровь на мнѣ!! —
Отмоюсь ли отъ черной крови этой?
Такъ вотъ на что мнѣ юность, красота —
Такъ вотъ къ чему все это послужило!
Не будетъ ли на совѣсти пятна?
И въ будущемъ — какъ въ сумрачной могилѣ
Темно — темно! вѣковъ кто знаетъ судъ? —
Что ждетъ меня — хвала иль порицанье?
Да!... какъ узнать!
На все готова я! —
Великая была-бъ тутъ добродѣтель,
Когда одно знакомое свершу,
Когда пойду извѣстною дорогой
Къ безсмертію — когда и самой тѣни
Мгновеннаго позора убоюсь!
Прекрасна я — иль я одна прекрасна?
Юдифь была прекрасна, молода
И родины врага она сразила,
И ею врагъ отечества погибъ —
Да! вотъ примѣръ въ священномъ мнѣ писаньи;

Дорога мнѣ указана моя!
Прекрасна я, — но я одна въ созданьи
И съ кѣмъ, и съ кѣмъ разстанусь въ мірѣ я?
Погибну я, — что въ жизни безполезной —
Да! рѣшено! —

(*Задумывается надъ раскрытой Библіей.*)

ЯВЛЕНІЕ 5.

Шарлотта. Г-жа де-Бреттевиль.

Г-жа де-Бреттевиль.

Ты здѣсь, дитя мое —
За Библіей!... вотъ этому я рада
Пора, пора за Бога взяться намъ!
Едваль Жанъ Жакъ и твой Райналь любезной
Печали въ часъ утѣшить могутъ насъ!
Какъ думаешь?
Но что въ святомъ писаньи
Читала ты? — А! на главѣ Юдифь —
Посмотримъ что отмѣтила ты нынѣ?

(*Читаетъ:*)

Юдифь вышла изъ града украшенная чудесною красотою, которою одарилъ ее Господь, чтобъ спасти Израиль. —

Шарлотта.

Счастливая!... не всякому дано
За родину пожертвовать собою!

Г-жа де-Бреттевиль.

Завидуешь?

Шарлотта.

Когда я посмотрю,
Какъ въ жизни все и пошло, и ничтожно
Невольно я судьбу благодарю,
Что жертвовать собой еще возможно!

Г-жа де-Бреттевиль.

Не тотъ ужъ вѣкъ. —

Шарлотта.

Конечно; въ наши дни
Злодѣевъ нѣтъ!... ни жертвъ для гильйотины —
За чѣмъ Юдифь? Іоанны д'Аркъ къ чему,
Когда здѣсь все дрожитъ передъ Маратомъ?
Мы счастливы!... чегожь еще искать? —

Г-жа де-Бреттевиль.

Смѣешься ты!... не веселъ этотъ смѣхъ!
Въ улыбкѣ мнѣ проглядываютъ слезы —
О чемъ грустишь?

Шарлотта.

О Франціи — объ васъ,
О всѣхъ кого любила я, знавала

Извѣстно-ль намъ — покуда живъ Маратъ, —
Кто голову на плахѣ не положитъ, —
Кому Маратъ дозволитъ жить?

Г-жа де-Бреттевиль.

Да! онъ
Какъ кажется — не дремлетъ — гильйотину
На степень онъ почетную возвелъ
Въ числѣ она народныхъ зданій нынѣ
Красуется по милости его! —
За то ли онъ народа прозванъ другомъ?
И другъ хорошъ!

Шарлотта.

Не смерть страшна — но тотъ,
Кому Маратъ страдальцевъ предаетъ.
И нынче въ ночь — такъ тягостно мнѣ было —
Мнѣ чудилось: — темница и палачъ —
И тьма вокругъ, и мрачно какъ въ могилѣ
И женщина тамъ блѣдная — и къ ней
Коснулся онъ рукой окровавленной —
И красное накинулъ на нее! —

Г-жа де-Бреттевиль.

Да! съ красною рубашкою — палачъ
Въ часъ казни онъ приходитъ къ осужденнымъ. —

Шарлотта.

Но къ женщинамъ?

Г-жа де-Бреттевиль.

Онъ тутъ необходимъ —

Шарлотта.

За чѣмъ? за чѣмъ?

Г-жа де-Бреттевиль.

Да косы, кудри эти
Могли-бъ ударъ замедлить топора —
И жертвъ его могли-бъ продлить страданье

Шарлотта. (*Содрогаясь — невольно хватается за свои кудри.*)

Г-жа де-Бреттевиль.

Но что съ тобой?

Шарлотта.

Такъ!... холодно мнѣ стало!
Теперь прошло!...
И этотъ эшафотъ —
Для всѣхъ, для всѣхъ ужасный возстаетъ!... —
Иль вымерли Іоанны д' Аркъ? иль сами
Мы ляжемъ всѣ на плаху головами?
Иль нѣтъ межъ насъ предъизбранныхъ судьбой
За всѣхъ, за всѣхъ пожертвовать собой?

Г-жа де-Бреттевиль.

Іоанна д'Аркъ!... о ней сужденій много,
Но подвигъ тотъ едваль для нашихъ дней —
Иль думаешь — увѣровали-бъ ей,
Когда теперь не вѣруютъ и въ Бога?

Шарлотта.

Прошла пора младенческихъ видѣній,
Но разумъ нашъ — илъ онъ не выше ихъ?
Не выше-ль быть Іоанной д'Аркъ свободы,
Чѣмъ Франціи поддерживать вѣнецъ!

Г-жа де-Бреттевиль.

А Богъ знаетъ — къ чему ведетъ свобода!

Шарлотта.

Ты-ль это мнѣ родная говоришь?
Въ свободѣ-ли имѣть еще сомнѣнье?
Скорѣй себѣ не буду вѣрить я!
Не чудное-ль свободы упоенье
Влечетъ впередъ — великій нашъ народъ?
Не славное-ль для насъ предназначенье
Вселенной — путь указывать впередъ?
Возстали мы — очнутся всѣ народы
Не вѣчно-жъ міръ сильнѣйшему въ удѣлъ!
Возстали мы — и благовѣстъ свободы
Съ конца въ конецъ Европы прогремѣлъ —
Свободны мы — и нѣтъ для насъ кумира
И что для насъ властители земли?

И въ дивную сокровищницу міра
Мы разума свѣтильникъ принесли —
Мы.... ха! ха! ха!...

А кто теперь надъ нами?
Не стыдъ ли намъ — позоръ передъ отцами?
Мы Лудвиговъ низринули престолъ —
И чей теперь надъ нами произволъ?...
Маратъ!... Маратъ!...

Не это-ль кликъ свободы,
Которымъ мы порадуемъ народы? —
Не этимъ ли подвигнемъ міръ впередъ, —
Что цѣлью всѣмъ укажемъ — эшафотъ?
И разума-ль то пиръ, торжествованье,
Что насъ влекутъ какъ агнцевъ на закланье?
И это-ль намъ, всей Франціи судьбой —
Нѣтъ!... нѣтъ!... скорѣй пожертвовать собой!...

Г-жа де-Бреттевиль.

Дитя мое!... дитя мое!... но сами,
Что сможемъ мы, когда Господь не съ нами? —
Какъ жалки мы и съ разумомъ своимъ,
Когда насъ Богъ самимъ себѣ оставитъ!...
Прекрасно бы пожертвовать собой —
Но надобно благословенье Бога
На все!... на все!... повѣрь мнѣ, берегись
И гордыхъ думъ, и ложныхъ направленій!...
Отецъ тебя не съ тѣмъ благословилъ
На долгую, печальную разлуку,
Чтобъ гордости ты духу предалась. —
Да!... если насъ Господь не призоветъ,
Повѣрь ты мнѣ — судьбѣ своей смиренной

Смиренно мы покорствовать должны! —
Но въ Англію ты ѣдешь — мнѣ и жаль,
Одна теперь останусь въ этомъ мірѣ
На старости — но вмѣстѣ рада я —
Да!... тамъ тебѣ убѣжище готово —
Не буду я бояться за тебя!...

Шарлотта.

И время мнѣ!... прости моя родная —
Пусть Богъ тебя за все вознаградитъ! —
Меня, ты зломъ, я зная, не помянешь, —
Да вѣрную ты Бетти не оставь!
Усердная — она за мной ходила
Отъ дѣтскихъ лѣтъ. —

Г-жа де-Бреттевиль.

Исполню все, мой другъ! —

Шарлотта.

А книги всѣ, подарки, вещи эти
По надписямъ разнесть прикажешь ты
И, можетъ быть, младенчества подругамъ
Они, подъ часъ — напомнятъ обо мнѣ —
Сама для нихъ готовила я это —
За все уже заплачено!

Г-жа де-Бреттевиль.

И книгъ
Любимыхъ книгъ — не хочешь взять въ дорогу?

*

Шарлотта.

Плутарха я беру съ собой. —

Г-жа де-Бреттевиль.

Но вотъ
Мнѣ кажется — здѣсь авторъ твой любимый —

Шарлотта.

Романъ!... романъ!... такія-ль нынѣ дни?
Я, кажется, читала ихъ довольно! —
Отъ дѣтскихъ лѣтъ влекли меня они
Въ какой-то міръ мечтаній баснословной; —
Нѣтъ!... больше ихъ читать не буду я!
И некого любить мнѣ въ этомъ мірѣ —
И некому мнѣ сердца посвятить —
И для меня не будетъ человѣка!

Г-жа де-Бреттевиль.

Но ты, мой другъ!... прекрасна, молода —
Къ чему въ тебѣ такая мысль?

Шарлотта.

Родная! —
Въ мечтахъ ли мнѣ всю молодость сгубить?
Да!... мнѣ еще прекрасное подъ силу!
Да!... жизнь ему могу я посвятить! —
Пора мнѣ въ путь!

Г-жа де-Бреттевиль.

Письмо къ моей знакомой
Я дамъ тебѣ — отыщешь домъ ее
Ты въ Лондонѣ — найти его не трудно, —
Она тебя привѣтитъ, приласкаетъ
Меня порой — въ чужбинѣ замѣнитъ!

Шарлотта.

Не лучше ли писать по почтѣ?

Г-жа де-Бреттевиль.

Нѣтъ! —
Письмо мое сама ты ей доставишь
Дождись меня — сей часъ найду его!

(*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 6.

Шарлотта одна.

Мнѣ жаль ее — родной моей, радушной
И я должна обманывать ее!...
Не въ Лондонъ путь!... мнѣ жаль ее душою!
И вотъ что здѣсь останется за мной!

(*Подходитъ къ окну.*)

Да ты еще — артистъ мой неизвѣстной,
Что музыкой будилъ меня съ утра —
Мнѣ слышалось — въ твоей каморкѣ тѣсной:
«Пора вставать — красавица!... пора!»
И струны мнѣ такъ сладостно звучали,
Какъ будто въ жизнь другую призывали, —
И встану я — мечтаній, сновъ полна,
Задумчива присяду у окна,
И утромъ я внимать тебѣ любила —
И въ пору ту — какъ солнце заходило —
Проснешься ты — урочный часъ придетъ,
Но кто къ окну въ раздумьи подойдетъ?
И видя — тѣнь ни чья не промелькала,
Узнаешь ты — что здѣсь меня не стало. —

ЯВЛЕНІЕ 7.

Шарлотта — Г-жа де-Бреттевиль съ письмомъ.

Г-жа де-Бреттевиль.

Возьми мой другъ! письмо мое — по немъ
Увѣрена — пріемъ найдешь радушной,
Ну!... съ Богомъ въ путь.

Шарлотта (*преклоняясь предъ Г-жею де-Бреттевиль.*)

Еще благодарить
Позволь за твой пріютъ гостепріимной,
Да!... мать ты мнѣ умѣла замѣнить
И бытъ я твой — и домъ люблю старинной,

И если я имѣла счастья дни,
Какъ даръ твоей мнѣ милости они —
И вновь, и вновь прими благодаренье
За всю твою любовь и попеченья.
Какъ грустно мнѣ — сказать тебѣ: прощай!
Молю тебя — въ край дальній отъѣзжая
Чтобъ ни было — меня не забывай,
Чтобъ ни было — люби меня родная!

(*Быстро удаляется — Г-жа де-Бреттевиль провожаетъ ее.*)

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Парижъ — гостинница Провидѣнія. Шарлотта, Содержатель гостинницы.

Шарлотта.

Такъ болѣнъ онъ? —

Содержатель гостинницы.

Давно ужь нездоровъ —
Но съ просьбою къ Марату вы? — быть можетъ
Онъ — гражданка и дома приметъ васъ, —
Письмо къ нему возьмусь доставить вѣрно,
Я знаю домъ. —

Шарлотта.

Я васъ благодарю, —
Но прежде я должна обдумать дѣло —
И можетъ быть — просить я буду васъ. —

(Содержатель гостинницы уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Шарлотта одна.

Шарлотта.

Да! я должна писать къ нему — о чемъ?
Обманывать? мое ли это дѣло?
Надѣялась его я поразить
Среди его свирѣпыхъ Монтаньяровъ; —
Тогда-бъ меня на части развлекли —
И вѣрно-бъ тутъ на мѣстѣ растерзали,
И кончено — и міръ бы не узналъ
Ни подвига, ни жертвы безъимянной;
И я-ль теперь обманывать должна?
Мнѣ истина всего, всего дороже —
Такъ развѣ долгъ перемѣнился мой?
Но если цѣль оправдываетъ средства —
Тогда - тогда.... оправдана и ложь?
Но что-жь опять въ душѣ моей сомнѣнье
Тутъ будетъ ли небесъ благословенье?
И я-ль судьбой на ложь осуждена! —
Не можетъ быть — гдѣ-жъ долга указанье,
Когда оно не въ сердцѣ у меня?
Но тамъ же — тамъ — я слышу этотъ голосъ —
Что мнѣ велитъ отечество спасти,
Что жертвой мнѣ Марата указуетъ —
О Боже мой!... гдѣ-жъ истины искать?
И кто рѣшитъ души моей сомнѣнья
И я-ль должна притворствовать и лгать! —
Иль это мнѣ судьбы остереженье?... —

О! Если бы молиться я могла,
Да! съ вѣрой той младенческой, невинной,
Какъ нѣкогда въ моемъ аббатствѣ — тамъ
Едва — едва я на вѣкъ не осталась —
И не было-бъ потери мнѣ!... Что я!...
А дивныя, высокія стремленья,
А жажда та отечества спасенья,
А жажда та — пожертвовать собой,
Какой они мнѣ посланы судьбой? —
О родинѣ когда заходитъ слово —
Какихъ еще судьбы завѣтовъ ждать? —
Убійство, ложь.... на все, на все готова,
Когда иду отечество спасать. —
Но вотъ вопросъ — спасу ли я?... О! страшно
Подумать мнѣ — что, если подвигъ мой,
Что если онъ убійствомъ только будетъ? —
И эта кровь останется на мнѣ!...
Убійство, ложь!... что, если все напрасно
И я-ль — и я-ль притворствовать должна!
Казалось бы — и плахи мнѣ довольно! —
Но что со мной! — и мнѣ-ль итти назадъ?
Иль Францію помилуетъ Маратъ? —
За тѣмъ — что мнѣ притворствовать такъ больно?
Иль нѣтъ за мной ни ближнихъ — ни друзей
Кого-бъ нашелъ онъ милостью своей —
Писать!... писать!... къ чему мои сомнѣнья,
Иль средству цѣль не будетъ въ освященье?
Да!... рѣшено!... и дѣйствовать пора! —

(*Скоро пишетъ и уходитъ съ письмомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3.

Садъ Пале-Рояля. — Нѣсколько гуляющихъ вдали — на лужайкахъ и передъ скамейками играютъ дѣти. — Шарлотта скоро входитъ и садится на одну изъ отдаленныхъ скамеекъ.

Шарлотта.

Дай сяду здѣсь!... Здѣсь духъ переведу!
И взоровъ всѣхъ избѣгнуть я-бъ желала —
Куда?... зачѣмъ такъ трепетно иду?
На грудь мою что камнемъ тяжкимъ пало?
Все куплено!... покупка хороша! —
И совѣстно купца мнѣ даже было,
Когда я вдругъ спросила ножъ кинжалъ; —
Значительно — иль это мнѣ казалось —
Подавъ мнѣ ножъ, взглянулъ онъ на меня....
(*Содрогаясь*)

Все куплено — и на сердцѣ хранится —
Но что это?... какъ будто кто за мной, —
Какъ будто всѣмъ отвѣтъ давать придется —
Подумаешь — что этотъ ножъ живой —
Такъ больно мнѣ!...
Но идутъ —

Было время,
Когда на міръ смотрѣла ясно я
И взоровъ я людей не избѣгала.
А нынѣ что?...
(*Задумывается*)

Молодая дѣвушка, *подходя*

Шарлотта!

Шарлотта.

Ты-ль Марія?
О! въ этотъ часъ — Самъ Богъ тебя послалъ —
Скажи, давно-ль — давно-ль ты изъ Каэна
Ты видѣла изгнанниковъ Жиронды?
Да!... вмѣстѣ мы ходили слушать ихъ —
И бурныя ты помнишь засѣданья,
Когда ихъ рѣчь гремѣла въ душу намъ!

Марія.

Я безъ тебя одна ужъ не ходила
Казалось мнѣ, — что буду сиротой.

Шарлотта.

А много ли подписчиковъ на службу?
Скажи, скажи, что дѣлается тамъ?

Марія.

Но ты сама недавно изъ Каэна.

Шарлотта.

Не знаешь ты — какъ долго это время
Казалось мнѣ: — что наши всѣ друзья?
Здоровы ли знакомые, родные?

Марія.

Здоровы всѣ, — но ты не угадаешь,
Не чувствуешь — за чѣмъ я здѣсь?

Шарлотта.

Зачѣмъ?

Марія.

Поздравь меня невѣстою Данзаса —
Да! Свадьбой нашъ кончается романъ
И матушка согласье изъявила,
Ты знаешь все какъ я его любила,
Какъ много тутъ препятствій было намъ!
Все кончилось. — О! если бы ты знала
Какъ эта жизнь прекрасна и полна,
Иль въ сердцѣ вновь — въ созданіи весна?
Иль солнце мнѣ впервые просіяло?
Какъ жаждала-бъ я міру передать
Души моей порывы, увлеченья,
Какъ недруговъ могу благословлять —
И всѣмъ, и всѣмъ врагамъ моимъ прощенье!
Что злоба ихъ? — клеветъ не помню я —
Забыто все, что грустію мнѣ было,
И жизни такъ полна душа моя,
Что всѣмъ и всѣмъ я жизни-бъ удѣлила
О! еслибъ ты — моя Шарлотта — ты
Вкусила разъ сей жизни полноты
И этихъ дней, гдѣ грусти нѣтъ и тѣни,
Гдѣ полно все небесъ благословеній.
Бѣгутъ они — и было-бъ сердцу жаль,
Но радостнѣй еще сіяетъ даль —

Грядущее — земля обѣтованья,
Гдѣ всѣ мои исполнятся желанья.

Шарлотта.

Счастливица!... но какъ ты молода!
И въ наши дни такія есть надежды!
И въ наши дни любовь такая есть!

Марія.

А ты, мой другъ!... иль счастлива не будешь?
Не стоитъ ли твой вѣрный Франклинъ
Любви твоей? — но можетъ быть — другія
Счастливѣе? — по сердцу избери,
Не трать, не трать прекрасной жизни лѣта —
Иль счастья ты не будешь знать ни дня?
Повѣрь мнѣ, жизнь однимъ прекрасна эта
Любовью — другъ.

Шарлотта.

Любовь — не для меня!

Марія.

Но кто-жъ изъ насъ любить имѣетъ право
Когда не ты? — прекрасна — молода,
Чьи очи такъ блистаютъ голубыя
Изъ шелковыхъ-каштановыхъ кудрей?
А этотъ твой волшебный, чудный голосъ,
Котораго никто не забывалъ, —
И тихія, роскошныя движенья,
Чего тутъ нѣтъ? —

Шарлотта.

Хвали меня — хвали!

Марія (*показывая на дѣтей играющихъ у ногъ Шарлотты, которыя склоняютъ головки свои на колѣни Шарлотты.*)

Ты думаешь, что это лесть? — но дѣти
Не могутъ льстить — къ кому идутъ они?
Смотри!... смотри!... у ногъ твоихъ играютъ
Къ тебѣ свои головки преклоняютъ
Такъ вѣрно есть прекрасное въ тебѣ,
Когда ты всѣхъ влечешь къ себѣ невольно.

Шарлотта.

Но знаешь ли — есть древнее преданье.
Любовь дѣтей — слыхала-ль ты? — она
Порой была, какъ смерти предвѣщанье
Насильственной. —

Марія.

О! страшно, страшно мнѣ,
Какъ вспомнишь все, что Франціи готово,
Какъ вздумаешь, что всѣ мы подъ ножемъ,
Невольно все подернется туманомъ,
Но на сердцѣ ношу я талисманъ.
(*показывая на сердце.*)

Письмо любви, вотъ тутъ оно хранится

Шарлотта (*содрогаясь*)

Письмо любви на сердцѣ носишь ты!
А я!... а я!...

(*Закрываетъ лице руками*)

Марія.

Скажи одно лишь слово
И явится твой вѣрный Франкелинъ
И счастлива ты можешь быть.

Шарлотта.

Довольно!
Есть въ жизни цѣль возвышеннѣй любви,
Самой любви-есть долга исполненье!
Да!... всякому свое предназначенье,
Тебѣ цвѣты — быть можетъ — терны мнѣ,

(*Видя, что Марія хочетъ итти*)

Кудажь бѣжишь?

Марія.

Да мнѣ такъ много дѣла,
Приданое заказываютъ мнѣ;
Я вышла въ садъ — съ тобой заговорилась,
Теперь пора!

Шарлотта.

Помедли, погоди!
О! жаль мнѣ — жаль — съ тобою разставаться,
Какъ съ юностью, какъ съ жизнію земной,
Свези поклонъ роднымъ моимъ въ Каэнѣ,
И тетушкѣ поклоны, и отцу!
Проси, проси — мнѣ ихъ благословенья
На все!... на все!... на жизнь и смерть мою!
Свези поклонъ изгнанникамъ Жиронды,
Подругамъ всѣмъ поклонъ душевный мой,
Будь счастлива!... чтобъ ни было со мною
Не правда ли — меня вспомянешь ты?
И строго ты судить меня не будешь?
Помолишься, быть можетъ, за меня,
Не правда ли — вездѣ благословенья
Любви твоей — послѣдуетъ за мной? —
Теперь прости!...

Марія (*утирая слезы*)

Мнѣ что-то грустно стало,
Всѣмъ сердцемъ жаль съ тобой разстаться мнѣ!
Но столько дѣлъ теперь необходимыхъ.

Шарлотта (*съ грустною улыбкою*)

У всякаго свои дѣла!

Марія (*уходя*)

Прости! —
До скораго — желаннаго свиданья.

(*Уходитъ*)

Шарлотта.

Да! здѣсь иль тамъ!
Ну, кончено съ землей!

(*Тихо уходитъ въ противную сторону*)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Комната въ домѣ Марата въ улицѣ Кордэліеровъ — во всемъ видна бѣдность — кучи бумагъ и журналовъ набросаны на столахъ, стульяхъ и на окнахъ. Маратъ — Албертина Маратъ.

Маратъ.

Вотъ эти мнѣ бумаги покажи.

Альбертина.

Когдажь придетъ пора отдохновенья,
Ты труженикъ — и жалко посмотрѣть
Какъ блѣденъ ты!

Маратъ.

Дѣла не ждутъ — довольно
Есть времени для отдыха другимъ,
Не даромъ я народа призванъ другомъ
И долженъ я трудиться для него, —
И чувствую меня не будетъ скоро,
Такъ времени нельзя терять. —

Албертина.

Народъ!
Велика намъ награда отъ народа —
Здѣсь кажется — нѣтъ роскоши.

Маратъ (*строго*)

Молчи!
Иль думаешь, что буду я Дантономъ?
Не хочешь ли, чтобъ сталъ я торгашемъ?
Да! бѣденъ я — за то гляжу я смѣло,
За то впередъ иду отважно я,
За то слыву въ народѣ неподкупнымъ —
(*Показывая на бумаги*)
Вотъ списки здѣсь! — чего-бъ не дали мнѣ
Чтобъ выпустилъ я этихъ осужденныхъ,
Чтобъ только спасъ иныхъ отъ казни я,
Но, нѣтъ!... нельзя!... зло съ корнемъ вырвать надо.
Преступныхъ мысль отрѣзать съ головой.
Подай журналъ!...
(*пробѣгаетъ нѣсколько строкъ*)
На сѣверѣ возстанье!
Пусть тѣшатся!... я разомъ усмирю —
Теперь шумятъ — но если гильйотина
Разгуливать по Франціи пойдетъ.
Примолкнутъ всѣ!...
А это что такое!
Кому поютъ въ журналахъ похвалы?
Кого они такъ громко величаютъ?
Безмозглые!... вотъ я ихъ проучу!
Иль правила республики забыли?
Республика есть уровень для всѣхъ!
За то я ей и преданъ всей душою:

Въ республикѣ нѣтъ высшихъ надо мною —
И тутъ одно отличіе — успѣхъ!
И посланъ я уравнивать созданье.
Не надо намъ блистательныхъ свѣтилъ,
Не надо намъ талантовъ превосходныхъ
И крылышки орламъ подрѣжемъ мы,
Когда они намъ солнце затемняютъ.

Албертина.

Что эти всѣ орлы передъ тобой?
При комъ молчатъ? — при комъ благоговѣютъ? —
Чья рѣчь толпамъ волнуемымъ законъ?
Видали мы Жиронды депутатовъ —
И кажется прекрасно говорятъ —
А гдѣ они?

Маратъ.

Пустые краснобаи!
Рѣшимости въ нихъ не было и нѣтъ!
Ни въ самомъ ихъ прехвальномъ вериотѣ.
Пускай его въ темницѣ посидитъ,
До времени воркуетъ съ голубками,
Иль тѣшится съ друзьями какъ дитя,
Да пышныя имъ фразы отпускаетъ!
Пора придетъ — и вспомню я объ нихъ:
Телѣжки двѣ — и разомъ ихъ не будетъ!
Да! Францію сгубить они могли!
Управить ей, въ нихъ силы не хватало!
И вспомнишь тутъ о лекарѣ плохомъ,
Что труднаго задумаетъ больнаго
Припарками да мазаньемъ лечить,
Когда бы членъ отсѣчь болящій надо,

Чтобъ тѣлу жизнь, здоровье возвратить.
Я лекаремъ не даромъ прежде былъ —
И дрогнетъ ли рука отъ операцій,
Когда могу спасти больнаго я? —
А эти всѣ — у нихъ не станетъ силы.
Такъ дивно ли, что ихъ я перемогъ!

Албертина.

Но выше ты Дантона, Робеспьэра,
Иль также силъ у нихъ не достаетъ?
Что скажешь тутъ?

Маратъ.

Да оба не способны —
Одинъ — за тѣмъ, что генія въ немъ нѣтъ,
Другой — за тѣмъ, что слово добродѣтель,
Какъ звукъ пустой, безсмысленный ему!
Дантонъ — торгашь!... геройски онъ пороченъ,
Въ нуждѣ отца-бъ роднаго продалъ онъ,
Такъ дать ему какую можно вѣру?
Иль думаешь республику онъ любитъ,
Нѣтъ любитъ онъ движенье, быстроту,
Какъ пьяница виномъ опохмѣляться
Движеньемъ такъ упиться жаждетъ онъ!
Но путь куда?... ему какое дѣло?
А Робеспьэръ съ апостольствомъ своимъ,
Какихъ-то онъ мистерій покровитель, —
Мессіи роль готовъ бы онъ принять
Какого-то во фракѣ Магомета.
Безденежно готовъ намъ разыграть —
И къ этому привить онъ умудрился
Политику, философовъ мечты,

Недавно день провелъ онъ въ Эрмитажѣ
Воспитанникъ Жанъ-Жака утопіи,
Какъ мудрый тотъ наставникъ создаетъ,
Но Франціи едва-ль придутся въ пору
Мечты его.

Альбертина.

Такъ видишь самъ — что много
Ты выше ихъ; — вѣрь сердцу моему
Покорности смиренной, безусловной —
Души моей — столь преданной — повѣрь!
Да!... также-бъ я съ другимъ заговорила
Да!... такжебъ шла другимъ на перекоръ —
Но взглянешь ты — въ очахъ такая сила!
Но скажешь ты — и святъ твой приговоръ —
Любовь моя ты знаешь — не притворна,
Но чѣмъ и какъ властительствуешь мной?
Не такъ дитя родителямъ покорно,
Какъ я во всемъ смиряюсь предъ тобой.
Была пора — меня прекрасной звали,
И даже тѣ недавно были дни —
И многія любви моей искали, —
Но ты пришелъ — и гдѣ теперь они?
Явился ты и всѣ они забыты, —
Позвалъ меня — и что они смогли?
Болящій ты — проказою покрытый,
Но будто ихъ ты стеръ съ лица земли —
Какъ будто ты одинъ во всемъ созданьи,
И я твоя — твоя съ минуты той,
Какъ въ ясный день, при солнечномъ сіяньи,
Меня ты самъ назвалъ своей женой.
Съ тѣхъ поръ — съ тѣхъ поръ — во всемъ тебѣ подвластна,
Въ глаза тебѣ гляжу подобострастно;

Въ тебѣ и умъ, и воля вся моя,
Покорно въ міръ иду я за тобою
И жизни той понять не въ силахъ я,
Гдѣбъ не былъ ты умомъ моимъ, душою —
Но я-ль одна? — и этотъ весь народъ
Во слѣдъ тебѣ куда онъ не пойдетъ?
И думаешь о высшихъ ты!

Маратъ.

Быть можетъ
И права ты — и мысль вѣрна твоя;
Да!... можетъ быть — я идоломъ народа —
Иль знаетъ онъ — его спасаю я?
Меня зовутъ жестокимъ, кровожаднымъ —
И льется кровь — не чувствуешь ли ты,
Что въ воздухѣ какой то запахъ чудной
Какъ будто весь напитанъ кровью онъ?
И любо всѣмъ — имъ казней, казней надо,
Подумаешь — какой-то пароксизмъ,
Какое то похмѣлье, опьяненье,
Не этимъ ли вся Франція больна?
Не крови ли источники живые
Весь тукъ ея гнилой возобновятъ?

Албертина.

О! страшно мнѣ!

Маратъ.

Но Франціи леченье
Мнѣ ввѣрено — чегожъ боишься ты? —

Философы-ль дадутъ ей исцѣленье?
Какія тутъ системы и мечты?
Тутъ надо ножъ — гдѣ буйство иль измѣны,
Вырѣзывать я долженъ ихъ до тла,
Я долженъ всѣ отсѣчь гнилые члены,
Въ зародышѣ доискиваться зла,
Не долженъ я щадить роднаго брата
И кто-жъ отца иль брата отстоитъ;
Да!... льется кровь — но жатвою богатой
Грядущее за все вознаградитъ!
Сдается мнѣ: цѣлебна эта влага
И ветхимъ силъ я обществамъ придамъ
Я вѣрю зла могуществу — для блага —
И лучшій міръ оставлю я вѣкамъ! —

Альбертина.

Трудишься ты — и отдыха не знаешь,
А Богъ знаетъ что ждетъ въ грядущемъ насъ,
Что ждетъ тебя?

Маратъ.

Да! на смерть поединокъ

Съ злодѣями республики — отъ нихъ
Кроваваго потребую отчета,
Колеблется-ль республика? ее
Покрѣпче мы пристроимъ къ эшафоту.
И выгода двойная тутъ — народъ
Какъ зрѣлища — убійства эти любитъ.
И дешево и любо имъ.

Альбертина.

Но ты —
Сдается мнѣ — ты окруженъ врагами,
И право нѣтъ порой души во мнѣ,
Войдетъ ли кто? — все чудится невольно
Не доброе — то будто здѣсь и тамъ
Блеснетъ кинжалъ — и кто то между нами
Сверкаетъ намъ зловѣщими очами,
То шорохъ тамъ — послышится звонокъ
И будто все убійца не далекъ —
О! еслибъ я молить тебя посмѣла
Тебѣ меня быть можетъ и не жаль,
Но смерть твоя — всей Франціи печаль,
Но ты умри — она осиротѣла!
И долженъ ты хранить себя — хранить
И можетъ быть — что встрѣча — то измѣна,
Что шагъ — то ножъ — молю тебя, молю,
Храни себя. —

Маратъ.

Да!... права ты — быть можетъ
Есть темное предчувствіе во мнѣ —
И мнѣ порой мерещатся кинжалы,
И въ сумерки — да! въ самый этотъ часъ,
Какъ будто кто неслышными шагами
Все крадется вдоль этихъ голыхъ стѣнъ
Ко мнѣ!... ко мнѣ!...
Но дѣйствовать пора.
Тѣмъ болѣе, что Францію устроить
Едваль кому возможно безъ меня!

(разбирая бумаги)

Какая тьма доносовъ, обвиненій!
Друзей моихъ я разомъ помирю,
Всѣмъ судъ одинъ — и всѣхъ на гильйотину;
А! что это? второе ужь письмо
Отъ дѣвушки пріѣзжей изъ Каэна,
И тайное имѣетъ сообщить,
А тамъ гнѣздо изгнанниковъ Жиронды,
Ну, какъ ее не выслушать — и скоро
Придетъ она

А время въ ванну мнѣ —

Вотъ эти всѣ бумаги, предписанья
Возми туда — и ближе положи, —
Чтобъ могъ и тамъ заняться я дѣлами,
Охъ!... эти мнѣ болѣзни не къ порѣ!
Мнѣ всякое такъ дорого мгновенье!

(*уходитъ*)

Албертина отнеся бумаги возвращается — раздается звонокъ Шарлотты — Альбертина говоритъ ей въ окно:

Албертина.

Нельзя никакъ — дѣлами занятъ онъ.

Голосъ Шарлотты.

Помилуйте!... мнѣ важное есть дѣло!

Голосъ Марата.

Впусти ее!

(*Альбертина не хотя отворяетъ Шарлоттѣ. — Шарлотта входитъ — на ней бѣлое платье, концы косынки ее завязаны назадъ — зеленая лента поддерживаетъ каштановые ея волосы — Альбертина невольно указываетъ ей куда итти — Шарлотта проходитъ.*)

Альбертина.

Ну, право нѣтъ души —
И всѣхъ и всѣхъ пускать ему охота! —

(*Съ безпокойствомъ прислушивается — слышны голоса Марата, Шарлотты — прежде смѣшанные, потомъ слышнѣе*)

Голосъ Марата.

Сказали вы — весь сѣверъ возстаетъ?

Шарлотта.

При мнѣ полки въ Каэнѣ проходили.

Голосъ Марата.

И много ихъ?

Шарлотта.

Тутъ было тысячъ шесть.

Голосъ Марата.

А! это все изгнанники Жиронды
Работаютъ! — дней восемь сроку имъ —

А тамъ ихъ всѣхъ пошлю на гильйотину!
Да! разомъ смерть! —

(*Слышенъ крикъ Марата*)

Ко мнѣ! мой другъ! — ко мнѣ!

Албертина бросается туда слышенъ крикъ ея — Убитъ!... Убитъ!...

Шумъ, борьба — стукъ какого-то тѣла падающаго на землю, — топотъ, — яростныя восклицанія Албертины — еще нѣсколько человѣкъ пробѣгаютъ туда.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТРИБУНАЛЪ РЕВОЛЮЦІИ.
8 часовъ утра.

Президентъ Трибунала Революціи. Обвинитель Шарлотты — Шово-де-ла-Гардъ. — Судьи, присяжные — Адамъ Луксъ — Живописецъ Гауэръ. Не много въ сторонѣ Албертина Маратъ. Зала присутствія и окружныя комнаты наполнены несмѣтными толпами народа, любопытство, ужасъ, участіе, сожалѣніе — изображается на всѣхъ лицахъ.

(*Шарлотта показывается вдали — шумъ подобный проклятію пробѣгаетъ въ толпахъ народа*)

Голоса народа.

Идетъ она преступница!... смотри!
Да!... какъ бы намъ увидѣтъ поскорѣе —
Чудовище!... и какъ она могла
Убить его!... и въ юности столь нѣжной.

(*Шарлотта подходитъ ближе, такъ — что ее уже можно видѣть*)

Голоса народа.

Какъ хороша!... убійцей ей ли быть,
Не вѣрится!... скромна и благородна.
Какъ будто насъ идетъ судить она!
Ну право — такъ и клонятся колѣна!
Ну право — такъ и вѣровалъ бы ей.

(*Шарлоттѣ указываютъ скамью обвиненныхъ—она садится*)

Президентъ.

Ваше имя?

Шарлотта.

Шарлотта Кордэ.

Президентъ.

Сколько вамъ лѣтъ?

Шарлотта.

Двадцать четыре года.

Президентъ.

Васъ обвиняютъ въ убійствѣ Марата.

Шарлотта.

Да! я убила его.

Президентъ.

Имѣли ли вы сообщниковъ?

Шарлотта.

Никого. —

Президентъ.

Имѣете ли защитника?

Шарлотта.

Я просила объ этомъ одного знакомаго — но его нѣтъ видно не достало духу.

Президентъ *(указывая на молодаго Шово-де-ла Гардъ)*

Вотъ вамъ защитникъ!

Говоръ народа

«Кого указалъ онъ?» Шово-де-ла Гардъ? «видно желаютъ спасти ее —» да! онъ извѣстенъ своимъ краснорѣчіемъ и твердостію. —

Президентъ *(къ Албертинѣ Маратъ)*

Вы обвинительница!... говорите!

Албертина Маратъ (*слова ея часто прерываемы рыданіями.*)

Чдо я скажу? — она его убила!
И нѣтъ его!... народа друга нѣтъ!
Она пришла!... пускать я не хотѣла,
Да!... сердце знать почуяло мое!
Но онъ велѣлъ!... и я безпрекословно
Должна впустить!... тогда онъ въ ваннѣ былъ,
Вошла она — мнѣ слышны были рѣчи —
Вдругъ крикъ.... бѣгу!... о Боже!... Боже мой —
Онъ весь въ крови! и ванна моремъ крови —
Въ безпамятствѣ — ее схватила я
И, кажется, въ ногахъ ее топтала —
О Боже мой!... да знаетъ ли она
Несчастная — кого она убила?
Не сгибла ли свобода вмѣстѣ съ нимъ?
И сколько съ нимъ погибло думъ высокихъ?
Не родины-ль онъ счастіе унесъ?
Да Франція со мной осиротѣла. —

Шарлотта (*тронутая*)

Ну, да!... да!... я убила его! и этотъ человѣкъ
Могъ быть любимъ!...

Президентъ.

Вы давно задумали это?

Шарлотта.

Давно — я хотѣла поразить тирана среди конвенціи,

но вынуждена была употребить хитрость, чтобъ приблизиться къ нему, сознаюсь и чувствую, что это средство недостойно меня, но надо было показать уваженіе къ этому человѣку, чтобъ достичь до него.

Президентъ.

Кто вдохнулъ вамъ такую ненависть къ Марату?

Шарлотта.

Его преступленія.

(Шарлотта замѣчаетъ въ толпѣ живописца Гауэра списывающаго портретъ ее; не прерывая отвѣтовъ своихъ, она снисходительно — съ улыбкою обращается къ нему: за живописцемъ видѣнъ Адамъ Лукъ, коего глаза неподвижно устремлены на нее.)

Президентъ.

Чего надѣялись вы умертвивъ его?

Шарлотта.

Возвратить миръ моему отечеству.

Президентъ.

Или вы думаете, что убили всѣхъ Маратовъ?

Шарлотта.

Видя смерть одного — можетъ быть вострепещутъ другіе.

(*Глухое восклицаніе Адама Луксъ; ропотъ въ народѣ. Шарлотта невольно обращаетъ на него вниманіе*)
(*Шарлоттѣ подаютъ ножъ, которымъ она убила Марата.*)

Президентъ.

Узнаете ли вы его?

Шарлотта. (*отталкивая его съ отвращеніемъ*)

Да!... я узнаю его! —

Президентъ.

Съ кѣмъ видались вы въ Каэнѣ?

Шарлотта.

Почти ни съ кѣмъ — я знала служащаго офицера Ларю и священника Св. Іоанна.

Президентъ.

Къ какому священнику ходили вы на духъ въ Каэнѣ?

Шарлотта.

Я не ходила ни къ какому священнику.

Президентъ.

Когда возымѣли вы это намѣреніе?

Шарлотта.

Съ 31-го Мая — когда здѣсь арестовали депутатовъ народа; если я убила человѣка, то съ тѣмъ, чтобъ спасти сотни тысячъ человѣкъ.

Президентъ.

Позовите Фоше.

(*Фоше подходитъ*)

Президентъ — *Шарлоттѣ.*

Знаете ли вы его?

Шарлотта *съ пренебреженіемъ:*

Знаю только потому, что видѣла, — я вижу въ немъ человѣка безъ правилъ и нравственности — и не уважаю его.

Обвинитель (*къ Шарлоттѣ*)

Ударъ вашъ нанесенъ сверху внизъ, чтобъ быть вѣрнѣе; видно что вы упражнялись въ убійствѣ.

Шарлотта (*краснѣя отъ стыда и негодованія*)

О злодѣй! онъ считаетъ меня просто убійцей!

Президентъ.

Что имѣете вы сказать въ свое оправданіе?

Шарлотта.

Я все сказала.

Шово-де-ла-Гардъ. (*защитникъ Шарлотты встаетъ и говоритъ*)

Подсудимая признается въ преступленіи, признается въ преднамѣреніи и во всѣхъ обстоятельствахъ дѣла наиболѣе ее обвиняющихъ; но это-то самое и составляетъ все ее оправданіе. Это невозмущаемое спокойствіе, это совершенное самоотверженіе сами по себѣ высокія и недопускающія раскаянія даже въ присутствіи смерти — едва ли они въ природѣ человѣка — и могутъ быть объяснены только преувеличеніемъ фанатизма политическаго, вложившаго ей кинжалъ въ руки, вамъ остается рѣшить — сколько этотъ непоколебимый фанатизмъ можетъ вѣсить на вѣсахъ правды, предоставляю это вашей совѣсти.

Президентъ.

Граждане!... къ голосамъ!

Судьи и присяжные, по краткомъ совѣщаніи единогласно произносятъ:

Смерть!

Президентъ.

И такъ смерть!

(*Адамъ Люксъ быстро привстаетъ какъ бы про-*

тестуя въ сердцѣ своемъ и опять опускается на свое мѣсто, какъ бы лишенный всѣхъ силъ)

Шарлотта *выслушавъ приговоръ свой не блѣднѣя, замѣчаетъ его движеніе и благодаритъ его взглядомъ)*

Президентъ.

Имѣете ли вы, что сказать о родѣ смерти своей?

Шарлотта (*не отвѣчая подходитъ къ Шово-де-ла-Гардъ, защищавшему ее и говоритъ ему тихо и растроганнымъ голосомъ*)

Вы защищали меня такъ, какъ я этого желала, благодарю васъ, я обязана изъявить вамъ мою благодарность и уваженіе, и хочу сдѣлать это достойнымъ васъ образомъ. Знаю, что имѣніе мое должно быть конфисковано, а я должна что-то въ темницу, вамъ завѣщаю уплатить за меня этотъ долгъ мой.

Президентъ.

Отведите ее въ темницу до исполненія приговора.

(*Судьи встаютъ; жандармы окружаютъ Шарлотту. Адамъ-Лукъ, нѣсколько выдвинувшись изъ толпы, слѣдуетъ за ней пламенными взорами.*)

Нѣсколько голосовъ въ толпѣ народа.

Да что это? — проклятый нѣмецъ намъ
И тутъ еще смотрѣть ее мѣшаетъ.
Откуда онъ? — изъ Маинца — да къ ней
Недвижными прильнулъ со всѣмъ очами.
Мнѣ кажется — и тамъ все время онъ
Слѣдилъ за ней и взоромъ изступленнымъ,
И вторилъ ей движеньями.

(*Къ живописцу:*)

А вы?
Вы кажется портретъ съ нее снимали?
Да, — нечего сказать — и хороша!
Вонъ тамъ — она — межь саблями мелькнула.
На лѣстницѣ, подъ сводами — пойдемъ.
До казни разъ еще увидимъ —

Народъ слѣдуетъ за Шарлоттою

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Темница Шарлотты, — Шарлотта, Живописецъ Гауэръ устанавливаетъ станокъ свой, Г-жа Ришардъ — жена тюремщика.

Шарлотта. (*къ живописцу Гауэру*)

Минуту вамъ нельзя ли подождать?

Ж. Гауэръ.

Писать я васъ могу и въ отдаленьи.
Поправлю послѣ.

Шарлотта. (*къ г-жѣ Ришардъ*

Письма всѣ готовы.
Письмо къ отцу я только просмотрю.

(*читаетъ тихо и потомъ вслухъ*)

Прости меня, что жизнію моею
Расположить рѣшилась безъ тебя.
Прости отецъ! — въ послѣдній жизни мигъ
Увѣрена въ твоемъ благословеньи;
И дѣда ты прекрасный вспомнишь стихъ:

«Не плаха намъ позоръ — а преступленье!»
Да!... знаю я; отецъ меня проститъ,
Съ младенчества мою онъ душу знаетъ
И въ дальній путь — къ отцамъ благословитъ,
И дѣдъ съ высотъ небесъ благословляетъ —
И съ твердостью дастъ силу умереть,
Какъ внукѣ то великаго Корнеля
Прилично —

(Къ г-жѣ Ришардъ.)

Вамъ ввѣряю письма я,
И адресъ мой къ французамъ поручаю.
Быть можетъ, онъ, какъ голосъ изъ могилы
Подѣйствуетъ, вражды ихъ примиритъ,
Быть можетъ, миръ изъ гроба завѣщаю.

Г-жа Ришардъ.

А знаете-ль убѣжище гдѣ мира —
Во Франціи! — въ темницахъ!... да! у насъ
Одинъ пріютъ надежный отъ убійства,
Въ темницахъ – здѣсь!... и мира здѣсь пріютъ!
Когда внѣ стѣнъ — удары гильйотины,
Да стоны жертвъ — здѣсь Франціи салонъ,
Гдѣ миръ цвѣтетъ — исскусства процвѣтаютъ,
Гдѣ связи есть и дружбы, и любви —
Минутныя; но вѣрныя до гроба —
И смерть одна здѣсь сердце охладитъ;
Здѣсь каждый день прекрасный праздникъ жизни,
Здѣсь музыка, поэзія, любовь
И въ играхъ какъ прекрасна юность эта!
Въ безпечности — какъ духомъ высока!
И чудные тамъ вымыслы — ступени

Тамъ сдѣланы — и пробуютъ они,
Кто легче всѣхъ взойдетъ на гильйотину,
Въ комъ болѣе есть граціи живой,
И смерть принять съ улыбкою готовы
И смерть одна улыбку сгладитъ ихъ,
Мнѣ право жаль, что въ общей залѣ этой
Хоть вечеръ вы одинъ не провели!

Шарлотта.

Вы видите — мнѣ было исключенье
Почетное — надѣюсь впрочемъ я,
Безъ этого ученья и примѣра,
Спокойная взойти на эшафотъ.

Г-жа Ришардъ.

Спокойны вы за этими стѣнами,
Но Богъ знаетъ, что съ вами будетъ тамъ,
Не знаю я, разсказывать ли вамъ
А кажется, вамъ надо знать.

Шарлотта.

Скажите —
И тайны всѣ къ чему теперь — къ чему?

Г-жа Ришардъ.

Вы встрѣтите, быть можетъ, на пути
Процессіи, куренія, цвѣты,
Вы встрѣтите процессій этихъ много!
И гимны тамъ — Марату въ честь поютъ!

И жертвенникъ останкамъ создаютъ,
Останками провозглашая Бога!

Шарлотта (*кротко*)

Пускай онъ Богъ — да только онъ казнить
Теперь своихъ поклонниковъ не можетъ,
Пускай они бранятъ меня теперь,
Придетъ пора — не тѣ сужденья будутъ.

Гауэръ (*Къ г-жѣ Ришардъ*)

Ошиблись вы — не всѣ туда спѣшатъ,

(*Къ Шарлоттѣ*)

И многихъ вы на смертной той дорогѣ
Увидите, Дантонъ и Робеспьэръ —
И всѣ хотятъ взглянуть на васъ.

Шарлотта.

Чтобъ видѣть;
Какія имъ опаснѣе черты —

Гауэръ.

Еще — еще увидите вы тамъ.
Замѣтили вы юнаго германца,
Что былъ за мной въ присутствіи — когда
Я сталъ писать изображенье ваше?
Онъ будетъ тутъ,

Но время намъ.

Шарлотта.

Пора!

Да! надо мнѣ свое изображенье
Оставить всѣмъ и ближнимъ, и друзьямъ,
Придетъ пора — стыдомъ оно не будетъ
Семьѣ моей.

Г-жа Ришардъ.

А я, межъ тѣмъ, пойду,
Мнѣ дѣло есть.

Шарлотта (*вслѣдъ ей*)

Но въ часъ послѣдній вѣрно
Вы будете?

Г-жа Ришардъ.

Могу-ль оставить васъ?
(*Беретъ — письма и адресъ къ французамъ Шарлотты и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Шарлотта. Живописецъ Гауэръ.
Гауэръ — показываетъ ей, какъ она должна сѣсть — Шарлотта садится.

Гауэръ.

Глаза у васъ позвольте разсмотрѣть.

Художнику необходимо это,
Въ присутствіи не разъ казалось мнѣ,
Глаза у васъ мѣняются какъ море,
Защитника-ль благодарили вы,
И взорами смотрѣли голубыми,
Когда-жъ вы ножъ откинули — когда
Вы вспыхнули въ своемъ негодованьи —
Казалось мнѣ, сверкнули эти взоры,
Какъ молніи изъ темныхъ облаковъ —

Шарлотта. *(улыбаясь)*

Художникъ вы и кажется поэтъ,
Такъ вашими и пользуйтесь правами
И скоро ужь сомкнутся эти взоры,
Такъ надо ихъ разсматривать скорѣй,
Да!... близокъ часъ!... и косы, кудри эти,
Кто нынѣ ихъ обрѣжетъ, отсѣчетъ?
Такъ время намъ — я много благодарна,
Что вамъ списать позволили меня,
Да!... можетъ быть, мое изображенье
Друзьямъ моимъ послужитъ въ утѣшенье
И, можетъ быть, напомнитъ обо мнѣ,
Когда меня давно, давно не будетъ.
И можетъ быть въ другихъ оно пробудитъ
Привязанность къ родной моей странѣ,
И какъ узнать!... что нынѣ преступленье.
Быть можетъ — дастъ къ безсмертію права.

Гауэръ.

Спокойны вы?

Шарлотта.

Да!... я совсѣмъ спокойна.
Какъ будто членъ отсѣкла я больной;
Какъ будто дань я жизни заплатила
И міръ могу оставить я.

Гауэръ.

Но вамъ
Такъ много дней для счастья оставалось,
Такъ молоды, прекрасны вы.

Шарлотта.

Ничѣмъ —
Я въ жизни сей, ничѣмъ не дорожила
Какъ счастіемъ полезной быть, — и вотъ
Исполнились души моей желанья.
Быть можетъ — я отечество спасла,
И если я у плахи, у страданья,
Хоть нѣсколько невинныхъ отняла,
Гляжу на смерть спокойнымъ, яснымъ взоромъ.
Начало-ль тамъ торжественнаго дня.
Потомство ли провижу за позоромъ?
Безсмертія-ль то утро для меня?
Спокойна я!

Гауэръ.

Вчера у Верніота
Я былъ — про васъ былъ долго разговоръ.

Шарлотта (*съ живостію*)

Что онъ? — что онъ?

Гауэръ.

То блѣдный и безгласный
Въ какомъ то онъ безчувствіи молчитъ,
Но если вдругъ воспрянетъ онъ прекрасный
И голосъ тотъ намъ чудный зазвучитъ,
Съ подземными отзывами своими,
Съ торжественной гармоніей своей,
Тогда....

Ему внималъ я изумленной,
Существенность, темницу забывалъ,
И будто онъ, въ услышанье вселенной,
Законъ судебъ вѣкамъ провозвѣщалъ.

Шарлотта.

О!... если я спасти его могла,
Его и всѣхъ апостоловъ свободы;
Жиронды всѣхъ изгнанниковъ спасти!
И юное Каэна ополченье,
И всѣхъ, кому готовъ былъ эшафотъ
О! какъ тогда горжусь моей судьбою!
Какъ жребій мой прекраснымъ признаю!
Какъ радостно я жертвую собою!
За нихъ, за всѣхъ я кровь мою пролью!

(*минута молчанія*)

Шарлотта *къ Гауэру.*

Но смотрите съ какимъ то сожалѣньемъ,
Не вѣритель вы Франціи спасенью!
Иль можетъ быть — чтобъ я ее спасла
Не вѣрите?

Гауэръ.

Готовъ бы вѣрить съ вами,
Но страшно мнѣ когда взгляну вокругъ,
Что видимъ мы? — тутъ плаха, тамъ — страданье
Въ правителяхъ къ чему соревнованье?
Кто больше дастъ работы палачу. —
Да.... въ слабости боятся обвиненья
И стоило на этотъ путь ступить
И бездна ихъ невольно увлекаетъ,
Народъ.... народъ.... съ какой то жаждой крови
Бѣжитъ на казнь — что пьяница къ вину,
Какое-то кровавое похмѣлье
Всеобщею заразой нашихъ дней. —
Философы — о чемъ они толкуютъ,
Что этотъ вѣкъ есть только переходъ,
Да знаютъ ли къ чему онъ насъ ведетъ?
Что скажутъ намъ ихъ мудрыя бесѣды,
Какой они рѣшаютъ намъ вопросъ?
Я вижу лишь боренья безъ побѣды!
И всѣхъ началъ волнуемыхъ хаосъ!
Но можетъ быть, бросаясь въ бездну сами,
Закроете ее вы передъ нами!
И съ вами я увѣровать готовъ
Возможно ли, чтобъ пали вы напрасно?
Чтобъ этотъ взоръ на вѣкъ смежился ясной
Безъ пользы намъ?

Шарлотта.

Я васъ благодарю,
Васъ слушая — мнѣ грустно, грустно было,
Но на сердце какъ будто отлегло,
Гдѣ есть болѣзнь — тамъ надо изцѣленье,
И права я.

Гауэръ.

Но мой германецъ юный,
Но этотъ Луксъ — онъ преданъ вамъ душой;
Въ присутствіи — въ какомъ то упоеньи,
Онъ глазъ своихъ отвесть отъ васъ не могъ.
И кажется — всю жизнь въ боготвореньи
Такъ радостно-бъ провелъ у вашихъ ногъ;
Все рѣчь одна — какъ вы прекрасны были,
Какъ выше вы событій и людей,
Какъ совѣстью законы замѣнили,
Какъ вы судить пришли своихъ судей
И яркими слѣдилъ онъ васъ очами
И вашъ простой какъ слушалъ онъ разсказъ —
О?... вѣрно онъ послѣдуетъ за вами
И жизни онъ не вынесетъ безъ васъ —
Послушайте, по трудной той дорогѣ
Гдѣ, можетъ быть, проклятія васъ ждутъ
Вамъ будетъ другъ — да! мой германецъ юный
И, можетъ быть, его боготворенье
Проклятій всѣхъ — замѣной будетъ вамъ.

(*Минута молчанія — Живописецъ пишетъ.*)

Но вашъ портретъ почти оконченъ — сами
Скажите мнѣ — довольны вы иль нѣтъ?

Шарлотта.

Да!... это я.

(*Шумъ у дверей*)

Но что за шумъ?

ЯВЛЕНІЕ 3.

Входитъ палачъ, неся красную рубашку осужденныхъ — и съ ножницами, — за нимъ слѣдуетъ г-жа Ришардъ и солдаты, которые останавливаются въ дверяхъ.

Шарлотта *блѣднѣя*

О Боже!

Уже-ль пора?

(*Г-жа Ришардъ подходитъ къ ней*)

Шарлотта *къ г-жѣ Ришардъ*

Вы добрая моя
Пришли ко мнѣ — и въ этотъ часъ послѣдній
Не бросили — сдержали слово мнѣ,

(*къ Гауеру*)

И вамъ, и вамъ обязана я много —
Роднымъ моимъ — благодаренье вамъ
Останется мое изображенье;

И, можетъ быть, потомкамъ отдаленнымъ
Оно, порой, напомнитъ обо мнѣ.
Да?... какъ узнать?

(*Палачъ тихо подходитъ къ ней — Шарлотта содрогается, но говоритъ ему*)

Готова я.

(*Палачъ отрѣзываетъ длинные волосы Шарлотты; она отдаетъ ихъ г-жѣ Ришардъ — говоря:*)

Возьмите,
Храните ихъ на память обо мнѣ.

(*Палачъ связываетъ ей руки и надѣваетъ на нее красную рубашку осужденныхъ на казнь.*)

Голоса народа.

Пора!... пора!...

Шарлотта.

Одѣта къ смерти я,
Нельзя сказать — чтобъ нѣжными руками,
Но это шагъ къ безсмертію

Голоса народа.

Пора!...
Давно пора?

Живописецъ (*въ сторонѣ г-жѣ Ришардъ:*)

О!... какъ она прекрасна!

Да? въ древности — алтарь не эшафотъ
Воздвигли-бъ ей, для древней Немезиды
Могло-бъ служить прекраснымъ образцомъ.

Голоса народа.

Да что вы тамъ замѣшкались?... пора?
О чемъ тутъ рѣчь? намъ дорого мгновенье
Къ Марату мы спѣшимъ на поклоненье
Проклятая!... съ ней времени терять
Намъ некогда?...

Шарлотта.

Мнѣ жаль ихъ ослѣпленныхъ:
Меня клянутъ;... благословлять меня
Должныбъ они; — моей имъ крови надо —
Когда за нихъ кровь эту я пролью! —

Голоса народа.

Пора.... пора.... да скоро-ль?

Шарлотта.

Я готова.
За казнію — безсмертіе. —

Воины гремя оружіемъ

Пойдемъ. —

(*Шарлотту уводятъ на казнь; — Живописецъ Гауэръ слѣдуетъ за нею — слышны восклицанія, проклятія народа, ругательство женщинъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Г-жа Ришардъ одна (*держитъ въ рукахъ длинные волосы Шарлотты, и смотритъ въ окно*)

Г-жа Ришардъ.

Ведутъ ее съ ругательствомъ на казнь!
Въ неистовствѣ распять ея-бъ готовы!
Несчастная!... и Францію спасти
Надѣялась!... какое тутъ спасенье;
Къ Марату всѣ спѣшатъ на поклоненье,
И Богомъ онъ у нихъ превозглашенъ!

(*Разсматривая волосы Шарлотты*)

И вотъ что намъ осталось отъ нее,
Отъ юности столь пышной и прекрасной,
Да память дѣлъ судить потомство будетъ
И судъ какой оно произнесетъ
Богъ вѣдаетъ!

(*Смотритъ въ окно*)

Бѣгутъ туда!... бѣгутъ —
На казнь бѣгутъ какъ будто на пиръ званный.
А кажется — и воздухъ зараженъ
Отъ мертвыхъ тѣлъ — и все имъ недовольно,
Сама она часть эту избрала
И жаждала пожертвовать собою,
И казнь ее какъ новый праздникъ имъ!
И въ общую свалятъ ее могилу,
Гдѣ надписью одно имъ слово: спать!

(*Медленно уходитъ съ волосами Шарлотты*)

ЯВЛЕНІЕ 5.

Площадь. Толпы народа въ числѣ ихъ много Маратистовъ, потомъ Адамъ Луксъ.

1.

Что, кончено?
Откуда? —
Съ мѣста казни
Скажи объ ней?
Спокойна и тверда
На скользкія ступени эшафота
Взошла она — когда-жъ сорвалъ палачъ
Съ груди ея послѣднія покровы,
Мы видѣли, — какъ вспыхнула она,
Подумаешь — что стыдъ — ей смерти самой
Страшнѣе былъ, — оправясь, — подошла,
И голову на плаху положила
Сама — сама; — безмолвствовалъ народъ, —
Одинъ ударъ надъ этой головою
И вдаль она — отпрыгнувъ — покатилась;
И вотъ — Легро — служитель палача
Схватилъ ее рукой окрававленной,
И, думая народу угодить,
Пощечину ей далъ.
Ее ланиты
Зардѣлись ли дѣвическимъ стыдомъ.
Иль вспыхнули почувствовавъ обиду,
Но видѣлась намъ краска на лицѣ —
Ну, что-жъ народъ?
Негодованья ропотъ.
Въ толпахъ его мгновенно пробѣжалъ, —
Не принялъ онъ постыдной жертвы этой
И мстить грозилъ обидчику.

Голосъ Маратиста.

За что?
Все мало ей!... Кого она убила?
Какой вы стыдъ въ преступницѣ нашли?
И Богъ знаетъ — какого поведенья
Была она — узнаемъ все. —

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣжъ и Адамъ Луксъ.

Адамъ Луксъ.

Кто смѣлъ,
Кто могъ чернить прекрасную сомнѣньемъ?
Иль взоръ ее не падалъ въ сердце вамъ?
Иль въ взорѣ томъ — въ улыбкѣ кроткой этой
Не видѣлись минувшей жизни лѣта?
Иль казнь ее — не жертвой небесамъ
За васъ? — за васъ? —
И кто дерзаетъ нынѣ?
На чистую — кто снова возстаетъ?
Иль кровь ее не будетъ вамъ святыней?
Какъ жертвенникъ — не будетъ эшафотъ?
Иль плаха та — не будетъ въ освященье
И городу и Франціи? — и тамъ —
Престанутъ ли свершать поминовенье
Ей — жизнію — пожертвовавшей вамъ?
Иль вѣчно та не памятна минута?
Иль статуи не будетъ въ почесть ей?
Чудесной той — достойной алтарей —
Великой — той — чье имя выше Брута?

Голоса народа.

Безумный онъ!...
Въ темницу!...
Въ слѣдъ за ней!

Адамъ Луксъ.

О!.. такъ!... за ней!... скорѣй въ ее темницу
За ней, за ней — на тотъ же эшафотъ —
Сѣкира тажъ пускай въ меня падетъ,
Что ангельской главы ее коснулась!
И жажду я погибнуть отъ меча
И всѣхъ ее хочу уничиженій,
Иль страшны мнѣ удары палача,
Когда они въ залогъ соединенья?
О!... еслибъ могъ я быть подобнымъ ей
Свободою, геройствомъ и любовью
И смертію — и всей моею кровью
Купить — купить соединенье съ ней!

Голоса народа.

И всѣ твои исполнимъ мы желанья!
И будете вы вмѣстѣ. —

Адамъ Луксъ.

Я готовъ! —
(Его уводятъ)

Голоса народа.

И ей на часть проклятья, обожанье
И это-ль судъ народовъ и вѣковъ? —
(Народъ медленно расходится.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Опекунамъ Европы.

Давноль поставлены надъ міромъ вы судьями?
Иль приглашали васъ мы властвовать надъ нами?
Къ чему весь этотъ хоръ учителей кругомъ?
Къ чему совѣты всѣ, увѣщеванья эти?
Иль думаете вы, что все еще мы дѣти?
Что мы какъ школьники въ науку къ вамъ пойдемъ?

*
* *

О нѣтъ!... и это вамъ извѣстно!
Но вамъ въ Европѣ съ нами тѣсно!
Въ бореньи давнемъ — безъ конца,
Вы ненавидите въ насъ силу.
Вы всѣхъ насъ загнали-бъ въ могилу,
И стерли-бъ насъ земли съ лица!

*
* *

Не вы-ль подъ маской дружбы нѣжной
Воздвигли ляховъ родъ мятежный?
Кто велъ ихъ къ бунту..?—Голосъ чей?
Вы журналисты, патріоты!
Вамъ Богу дать за нихъ отчеты!
Вы всѣхъ ужаснѣй палачей!

Они—законъ вооруженный
Ихъ жертвой—только осужденной?
А вы — у васъ пощады нѣтъ!
Во имя братства и свободы
Влечете къ гибели народы
Всю юность — лучшій міра цвѣтъ!

*
* *

И къ намъ въ припадкѣ дружбы новой
Вы шлёте дружеское слово!
Но ясенъ смыслъ его, итогъ —
Чтобъ намъ прощаясь съ древней славой
Быть азіятскою державой,
Чтобъ путь въ Европу намъ залегъ!

*
* *

Оставьте!... Сбросьте всѣ личины!
Намъ ваши ясны всѣ причины
Ослабить насъ хотите вы?
Не Польши важно возрожденье.
Вамъ надо Руси разложенья —
Уничтоженіе Москвы!

*
* *

И мнимой дружбы всѣ совѣты
Лишь нашей гибели обѣты!
Но мы-ль довѣримся врагамъ?
Хотите вы, во чтобъ ни стало,
Чтобъ всё предъ вами трепетало
И Русь одна преградой вамъ!

Уничтоженьемъ ли мы призракъ купимъ мира?
Вступаемся-ль въ дѣла—мы Индіи, Алжира?
Вмѣшательствомъ своимъ когда стѣсняли-ль васъ?
Не ваши-ль по морямъ разгуливаютъ флоты?
Въ захватѣ странъ чужихъ давали-ль вы отчеты?
Къ чемуже вамъ совѣтъ похожій на приказъ?
О Польше рѣчь идетъ?—иль Польши нѣтъ поближе?
Иль мирно всё у васъ и партій нѣтъ въ Парижѣ?
Кто знаетъ — гдѣ и какъ грозы ударитъ часъ?

* * *

Иль спятъ у васъ въ Парижѣ страсти?
Борьба подземная династій
Порой — не рвется-ль на просторъ?
И подъ пятой Наполеоновъ,
Противныхъ партій и Бурбоновъ,
Не тлится-ль въ пеплѣ заговоръ?

* * *

Не это-ль дѣйствій всѣхъ основой
Не это-ль бурь Европы слово?
Да! — чисто личной тутъ вопросъ!
Вамъ нуженъ миръ съ своимъ народомъ
И Польша — громовымъ отводомъ
Отъ всѣхъ домашнихъ смутъ и грозъ!

* * *

Но мы — за козни, за измѣны
Мутимъ-ли воды вашей Сены?
Изъ искры дѣлая пожаръ?
Въ дѣла вступаемся-ль чужія?

Была-ль враждебной къ вамъ Россія,
Чтожъ ей готовили вы въ даръ?

*
* *

Не думаете-ль вы, что мы, склонивъ колѣни,
Всё выслушать должны — совѣтъ, угрозы, пени?
Что битвы, что борьба страшнѣе намъ стыда?
Что нѣтъ отваги въ насъ кипучей, прежней, рьяной?
Такъ выслушайте-жъ насъ — однажды, навсегда—
Мы не хотимъ опеки самозванной!
Мы не хотимъ третейскаго суда!
И чтобъ не-ждало насъ — промчатся-ль тучи мимо
Иль грянетъ общая война,
Россія передъ васъ нестанетъ подсудимой
И отстоитъ себя Она!

Совершившійся фактъ.

Совершившійся фактъ въ право вѣка взошелъ,
И на сценѣ Европы фуроръ произвелъ!
Правда, малымъ воришкамъ пощады все нѣтъ;
Но ворамъ милліоновъ почетъ и привѣтъ! —
Потому-ли-что имъ подѣлиться есть чѣмъ
И законъ передъ ними безсиленъ и нѣмъ?

*
* *

Идетъ преступникъ — онъ главою
Обремененною поникъ,
Онъ уличенъ людьми, судьбою
И взоръ потухъ, и нѣмъ языкъ!
Онъ осужденъ безъ оправданья,
Женѣ и дѣтямъ хлѣбъ укралъ —
И казнь — бѣднягѣ въ воздаянье
И подъ сѣкирою онъ палъ! —

*
* *

Идетъ другой — поправъ законы,
Съ полміра дани собралъ онъ.
Но онъ разсыпалъ милліоны
И умолчалъ предъ нимъ законъ? —
И сколько силъ, машинъ, заводовъ

Даритъ онъ Руси всякій годъ
И благодѣтелемъ народовъ
Въ потомствѣ дальнемъ прослыветъ! —

*
* *

И вотъ два факта — чтожъ въ итогѣ?
Успѣхъ — величья признакъ вамъ?
Такъ вѣчно жертвою убогой
На зло равенству и вѣкамъ!
Когда вамъ факты такъ священны
За чтожь минувшее одно
(Оно изъ фактовъ сложено)
Въ опалѣ гибнетъ современной?
Иль не для всѣхъ вѣковъ, временъ
Фактъ освящаемъ какъ законъ?

*
* *

Не фактъ ли эта гильйотина
Гдѣ цвѣтъ земли великій палъ?
Святаго-ль Людовика сына
Палачъ главою потрясалъ?
Во имя равенства, свободы —
Тотъ неповинный былъ казненъ;
И это фактъ!... изъ рода въ роды
Пятномъ во Францію вклейменъ?

*
* *

Средь каменистой Іудеи
На Іорданскихъ берегахъ —
Кого влекутъ они, злодѣи?
Кто тяжкій крестъ на раменахъ

Едва влачитъ? — Кому страданья
И заушенья, оплеванья!
И тамъ на этой высотѣ
Кого воздвигли на крестѣ?
О страхъ?
И это фактомъ было —
Затмилось дневное свѣтило,
Волнами вѣки протекли,
Но смыли-ль грѣхъ съ лица земли?

НА СТИХОТВОРЕНІЕ БЕНЕДИКТОВА

Борьба.

«Умри — въ комъ будущаго нѣтъ?(*)
Прекрасна мысль, прекрасно слово,
Не мнимый хламъ минувшихъ лѣтъ
Лежитъ грядущаго основой!

*
* *

Кто нить минувшаго отсѣкъ?
Единство рушилъ міросданья?
И тотъ ли полонъ человѣкъ,
Въ комъ нѣтъ вѣковъ, временъ сліянья?

*
* *

«Умри — въ комъ будущаго нѣтъ!
Пускай намъ вѣкъ наступитъ новой,
Но безъ останковъ бывшихъ лѣтъ
Падетъ какъ зданье безъ основы? —

*) Стихъ Бенедиктова.

Къ юношѣ.

Не поддавай души горячкѣ золотой!
Замѣнитъ ли она всѣ жизни упоенья?
И эти чудныя къ высокому стремленья,
Что лучшимъ признакомъ въ насъ жизни молодой?
Въ гармоніи всегда есть главныя мотивы
Во всякой музыкѣ господствующій толъ.
Ему подчинены напѣвъ, речитативы
И злата ли тебѣ властительствуетъ звонъ?
Тебѣ-ль наскучила весна твоя младая?
Любовь ли дивныхъ сновъ тебѣ не напоетъ?
И вызжетъ грудь твою горячка золотая!
И сердце высушитъ — расчетъ. одинъ расчетъ!
Мнѣ жаль тебя!... повѣрь, расчетовъ время будетъ,
Пора житейскихъ дѣлъ — пора земныхъ суетъ —
Когда души твоей ничто ужъ непробудитъ.
Увянетъ на всегда прекрасной жизни цвѣтъ.
Тогда ни сновъ любви, ни думъ высокихъ дара,
Какъ омутъ закружитъ суетъ водоворотъ,
Песками завалитъ житейскихъ дѣлъ Сахара!
За чѣмъ же въ эту степь заглядывать впередъ?

*
* *

Придетъ, придетъ пора горячки спекуляцій
Недугъ, — что, можетъ быть, въ нашъ вѣкъ неизбѣжимъ,

Но время ли тебѣ любимцу музъ и грацій
Отъ юности, любви бѣжать къ дѣламъ земнымъ?
Всему своя пора — и утро золотое,
И первой жизни цвѣтъ въ себѣ убереги!
Отдай весну веснѣ, отдай землѣ земное
И прежде временно отъ жизни не бѣги!

Всегда-ль мечтать?

Всегда-ль мечтать? — Еще ли вѣрить?
Когда-жъ умомъ дозрѣю я?
Когда-жъ съумѣю я измѣрить
Всю эту тину бытія? —
И заглянувъ во глубь отважно —
Пора понять и мнѣ завѣтъ,
Что въ мірозданьи все продажно!
Что непродажныхъ въ мірѣ нѣтъ!

Міръ огромная биржа.

Міръ огромная биржа! — все полно торговъ,
Все торгуетъ на море и сушѣ,
Такова-ль межъ звѣздами обитель отцовъ!
Есть ли тамъ непродажныя души?
Чѣмъ исполненъ объемлющій насъ небосклонъ?
Всѣ-ль утихнутъ тамъ, бури, сомнѣнья?
Есть ли тамъ благодарности, правды законъ —
Или только земли продолженье?

Величій много въ недочетѣ
Среди современныхъ чудесъ —
И вмѣсто Байрона и Гете
Царятъ — Ротшильды и Миресъ.

Юноша и старикъ.

Юноша.

Все мое! и жизнь и младость
Мнѣ даютъ роскошный миръ,
Въ наслажденье мнѣ и въ радость
Весь существенности міръ.
Отъ востока до заката.
Гдѣ есть жизни бытіе,
Міръ мнѣ житницей богатой,
Все продажно, все мое! —
Знаю я — ничто не вѣчно,
Что мнѣ завтра? — что вчера?
Въ этой жизни скоротечной
Наслаждаться мнѣ пора!

Старикъ.

Я съ берега гляжу на буйный океанъ,
Гдѣ вы волнуетесь желаньями, страстями,
Гдѣ въ безднѣ васъ кружитъ могучій ураганъ,
Гдѣ волны буйныя властительствуютъ вами,
Я также былъ пловцомъ, я помню этотъ путь
И радъ, что мнѣ пора настала отдохнуть!

Юноша.

Хорошъ и отдыхъ! — все недуги,
Не ими ль старость такъ свята?

Съ тобой, какъ вѣрныя подруги,
Одышка, старость, глухота;
Быть можетъ, вновь манило-бъ море,
Да плыть твоихъ не хватитъ силъ!
Такъ наслаждайся на просторѣ,
Что вздохи — кашлемъ замѣнилъ!

Старикъ.

Пусть такъ! но даже въ день страданья
Едва-ль съ тобой смѣняюсь я,
Какъ зовъ въ страну обѣтованья
Недуги, старость — мнѣ моя!
Смотрю-ль впередъ? мнѣ путь прекрасной
Лежитъ къ обители отцовъ!
Смотрю-ль назадъ? и тамъ — все ясно
И всюду — небо мой покровъ!
А ты, — какъ гость временъ безродной
Твой міръ — отъ вѣръ разоблаченъ;
И какъ въ темницѣ безъисходной
Ты въ настоящемъ заключенъ!

Юноша.

Передъ тобой отцовъ преданья
И наслаждайся ими ты,
Тебѣ — страны обѣтованья
Блаженствъ предбудущихъ мечты
Вѣковъ легендами взлелѣянъ
Едва-ль не врагъ себѣ ты самъ!
Едва-ли розами усѣянъ
Твой путь къ желаннымъ небесамъ?
Блаженной древности пеленокъ
Откинуть ты еще не могъ.

Ты право — духомъ какъ ребенокъ,
Вотъ жизни всей твоей итогъ! —
Гордись твоей прекрасной долей,
Питайся бреднями отцовъ,
Но счастья мигъ цѣню я болѣ
Твоихъ предбудущихъ вѣковъ!
Мы жить спѣшимъ — во чтобъ ни стало,
Мы всѣ — народъ передовой,
Съ твоей премудростью отсталой
Ты просто школьникъ предо мной!
Тебѣ-ль вести дѣла земныя?
Хотя и больно ты рѣчистъ!
Мы всѣ — ребята дѣловыя;
А ты — сѣдой идеалистъ!
И какъ ты юнъ душой!

Старикъ.

Да что-жъ худаго въ этомъ?
Илъ съ юностью души вашъ умъ несовмѣстимъ?
И практику, порой, не худо быть поэтомъ!
Иль знаешь вѣрно ты — все кончится земнымъ?
Что, если нѣтъ?... тогда — вы всѣ передовыя
Въ заоблачьи дѣла окончите-ль земныя?
Не все-ль покажется вамъ прахомъ, суетой
Что въ мірѣ этомъ васъ такъ сильно волновало?
И все что на землѣ манило, увлекало
Не будетъ ли мечтой?
Тогда — тогда едва-ль земное васъ пробудитъ,
Откинете землѣ вы весь житейскій хламъ!
Не то ли вѣчности существенностью будетъ,
Что здѣсь — мечтой казалось вамъ?
Но бѣдны вы и здѣсь, и въ мірѣ этомъ,
Когда въ васъ нѣтъ ни вѣры, ни любви,

Когда одна вамъ выгода завѣтомъ
И служите тельцу златому вы!
Когда въ васъ нѣтъ дней лучшихъ упованья,
Когда вы вѣръ чуждаетесь отцовъ —
И нѣтъ для васъ страны обѣтованья —
И глухи вы къ преданіямъ вѣковъ!
Какъ ветхія, раздранныя одежды
Вы съ древностью — откинули надежды
Безсмертія — Божественный завѣтъ!
Для васъ пуста небесъ неизмѣримость,
Для васъ — любви въ созданьи Божьемъ нѣтъ.
И, вѣруя въ свою непогрѣшимость,
Утратили вы вѣры давнихъ лѣтъ,
Не вамъ, не вамъ обители тѣ многи,
Гдѣ кровъ найдутъ и сирый, и убогіи;
Гдѣ ясно все — блаженству нѣтъ конца.
Гдѣ дѣти всѣ небеснаго отца —
Мнѣ жалки вы!

Пшеница.

Для пополненья общей кассы,
Условій лучшихъ бытія, —
Произвожу пшеницы расы —
Отъ давнихъ, давнихъ предковъ я.
Слѣдилъ я долго и безмолвно,
Какъ развивалася она
И вѣрьте, въ этой родословной
Нѣтъ ни малѣйшаго пятна?

*
* *

Въ коняхъ мы цѣнимъ родъ и стати,
Мы ихъ прогрессомъ дорожимъ,
И въ нихъ печать аристократій
И предковъ — длинный рядъ цѣнимъ.
Иль конь крылатый, чистокровный,
Быть можетъ съ клячей уравненъ?
Своей онъ вѣренъ родословной
Усовершенъ вѣками онъ.

*
* *

На всѣхъ базарахъ міродавья
Животнымъ кровнымъ шагъ впередъ;
У нихъ есть предки, есть преданья,
Усовершенье есть породъ.

Мы красотѣ, порой, условной
Свою готовы дань принесть,
Кому-жъ почетъ нашъ? — родословной
И предкамъ въ нихъ хвала и честь.

*
* *

Иль нѣтъ отличій, классовъ нынѣ?
Но кто-бъ пригнулъ къ волнамъ скалы?
Не ходитъ въ стадѣ левъ пустыни,
Не пресмыкаются орлы!
Во всемъ есть звѣнья — духъ сословной
Не сгладитъ ихъ равенства вѣкъ.
Лишь человѣка родословной
Почтитъ не хочетъ человѣкъ.

Да!... Наши предки Римъ спасли!

Да!... наши предки Римъ спасли *)
Они прославлены вѣками
«Да вы-то сами что? — нули!
И въ чемъ сравняетесь вы съ нами?
«Какъ въ чемъ? — Ну да! Скажите въ чемъ?
Мы васъ во всемъ перешагнемъ!
У насъ вѣдь много злата, злата —
И намъ досугъ — и жить богато; —
Кто-жъ бѣденъ — тотъ лежи въ пыли —
Какой бы шагъ при насъ вамъ дали?
«Да наши предки Римъ спасли!
«А наши водкой торговали!

*) Да наши предки Римъ спасли. — Извѣстный стихъ басни Крылова: «Гуси.»

Ты отрекаешься.

Ты отрекаешься отъ давнихъ, прошлыхъ дней,
Отъ всѣхъ отеческихъ обычаевъ, преданій,
Но чѣмъ ты самъ богатъ? — и въ гордости своей
Не принялъ ли ты всѣ вѣковъ минувшихъ дани?
Тебѣ-ль бывалое сметать земли съ лица?
Не чувствуешь ли въ себѣ живущаго отца?
А этотъ гордый умъ, — а этотъ духъ сомнѣній?
Не будетъ ли вождемъ грядущихъ поколѣній?
Не чувствуешь ли ты — вонъ тамъ — въ груди твоей
Животрепещущей души твоихъ дѣтей?
Иль самобытности невыше ты обмановъ?
Ты точка въ вѣчности — двухъ связью океановъ!
Но ты, обрушившій всѣхъ вѣрованій храмъ, —
Что оставляешь ты въ наслѣдіе сынамъ? —
За храмы — торжища! — за вѣры — духъ сомнѣній
И вмѣсто зодчества уничтоженья геній, —
Я съ ужасомъ гляжу во глубь вѣковъ, впередъ. —
Гдѣ вѣры праотцевъ? — гдѣ лѣтъ былыхъ святыни?
Что завѣщаемъ мы потомкамъ въ родъ и родъ?
Безъ Бога небеса мнѣ видятся пустыней!

Все шире небосклонъ.

Отечество, религія, возможность добрыхъ дѣлъ —
Всегда неизмѣняемый, прекрасный мой удѣлъ!
Нѣтъ части исключительной, нѣтъ личной жизни мнѣ,
Но живо все высокое души во глубинѣ!
Пусть на вѣкъ миновалася пора земной любви,
Но членъ я человѣчества безчисленной семьи;
Когда страстями юности былъ духъ закабаленъ,
Во всемъ мнѣ только видѣлся любви волшебной сонъ,
Какъ святъ одинъ поклоннику имъ избранный кумиръ;
За призракомъ возлюбленнымъ не видѣнъ былъ мнѣ міръ!
Волканы-ль зарождалися земли во глубинѣ,
Народы-ль волновалися? какое дѣло мнѣ?
Въ себѣ сосредоточена — въ мечту погружена
Мнѣ чудилась въ созданіи любовь, любовь одна!
За этой очарованной, волшебною мечтой,
Въ туманномъ отдаленіи терялся міръ земной,
Теперь повязка сброшена — яснѣй прозрѣла я,
И будто человѣчества сроднилась мнѣ семья,
Теперь едва-ль въ надоблачной ношусь я вышинѣ,
И жизнь, и треволненія земли не чужды мнѣ!
Какъ будто въ даль глубокую открылся мнѣ просторъ,
Все ближе мірозданіе, все шире круговзоръ!
Когдажъ отъ треволненія земли устану я
Сіяютъ мнѣ надоблачья лазурные края!
Огни послѣдней станціи, дорога не долга
Земли обѣтованныя ужъ близки берега!

Мой портретъ.

Меня писалъ артистъ не знаменитый
Писецъ иконъ изъ ближняго села!
И образъ мой едва-ль не позабытый
Отважно кисть его возсоздала!
Едва ли кто на очеркъ бѣдный взглянетъ,
Хоть вѣчно онъ красуйся на стѣнѣ;
Но, можетъ быть, когда меня не станетъ
Друзьямъ моимъ напомнитъ обо мнѣ!

Вы вышли за стараго мужа.

Вы вышли за стараго мужа
И онъ вамъ залогомъ побѣдъ;
Искателей раса досужа
Успѣха высматривать слѣдъ.
И онъ, вашъ товарищъ почтенной,
На жизненномъ, скользкомъ пути,
Надежду даетъ несомнѣнно
Къ вамъ доступъ вѣрнѣе найти.
Другія быть могутъ забыты,
Но вашъ неизмѣнчивъ приходъ,
Чтожъ — поясомъ вамъ Афродиты?
Мужъ старый вамъ чаръ придаетъ?

Бѣжать.

Бѣжать отъ любви — какъ отъ яда,
Бѣжать отъ надеждъ и мечты,
Бѣжать отъ волшебнаго взгляда,
Отъ юности — чаръ красоты.
Бѣжать отъ всего, что прекрасно,
Чѣмъ жизнь и свѣтла, и полна,
За то въ тишинѣ безопасно
Пріютомъ отъ грозъ — тишина!

Т. С. П...вой

Съ высотъ географическихъ спустясь на шаръ земной
Угодно-ль Софья милая бесѣдовать со мной?
Куда бы любознанія васъ духъ ни увлекалъ —
Иль въ азбукѣ гармоніи великихъ нѣтъ началъ?
И кто бы звѣнья дивныя наукъ разъединилъ?
Не быть тому Бетховеномъ, кто гаммъ не изучилъ!
Но еслибъ всѣ премудрости дались земныя намъ,
Все былобъ только сборникомъ – началъ, вопросовъ, гаммъ
Не то-ль какъ тайну высшую паукъ передадимъ,
Что всѣ мы міроздания лишь азбуку зубримъ!

Старой, что малой.

Есть пословица межъ нами:
Старой, малой — все равно!
Сходны смысломъ и умами,
Такъ ужъ видно суждено.

***

Пусть мы стары — нѣтъ и спора!
Не благая-ль это часть?
Изъ борьбы — стихій раздора
Въ тишь младенчества попасть?

***

Тамъ мятутся океаны,
Тамъ и злоба, и обманъ,
Кто залечитъ эти раны,
Погасивъ земли волканъ?

***

Тамъ возстанья, тамъ проклятья,
Преданъ міръ земной грозамъ,
Намъ же — ближніе — всѣ братья,
И враговъ — казнить — не намъ!

Мы вдали отъ волнъ мятежныхъ,
Переплывъ тревогъ моря,
Смотримъ: — въ тучахъ перебѣжныхъ
Разливается заря.

*
* *

Вечеръ стихъ — стихаютъ волны,
Вьется къ берегу потокъ,
И прохлады, нѣги полный
Вѣетъ свѣжій вѣтерокъ.

*
* *

Словно лучшихъ лѣтъ надежды,
Иль любви волшебный сонъ,
Выступаютъ тихо звѣзды
На лазурный небосклонъ!

*
* *

Вечеръ дивный, небо ясно,
Мира, отдыха пора,
Намъ одинъ удѣлъ прекрасной
Жить для правды и добра!

*
* *

Страсти стихли, стихли грозы,
Не влечетъ земли арканъ!
Но гдѣ есть печаль и слезы,
Утѣшать—удѣлъ намъ данъ!

Самъ Господь, для лучшей доли,
Насъ извелъ рукой Своей
Изъ египетской неволи
Бурь, волненій и страстей!

*
* *

Самъ онъ, въ нашей жизни странной,
Проводилъ насъ по волнамъ,
И земли обѣтованной
Берега ужъ видны намъ!

*
* *

Пусть въ младенчество мы впали!
Пусть младенцевъ въ насъ умы!
Но какой въ лазурной дали
Чудный край провидимъ мы!

*
* *

Пусть для насъ земной нѣтъ цѣли,
Но куда подъемлемъ взоръ?
Какъ дитя изъ колыбели
Необъятности въ просторъ!

Сонъ.

Я помню сонъ — тянулись горъ вершины
И выше всѣхъ отвѣсный былъ утесъ,
И будто кто могучею рукою
Вознесъ меня на эту высоту!
И чудился мнѣ тихій, странный голосъ
И слышались такія мнѣ слова:
«Передъ тобой всѣ участи земныя
«И блага всѣ — смотри и выбирай!»
И вотъ они, правители народовъ,
И вотъ они, избранники земли,
Удѣломъ имъ величіе и слава,
Но есть ли мигъ успокоенья имъ?
Могучія, выносливыя плечи
Должны они имѣть необходимо,
Чтобъ въ уровень съ своею быть судьбой,
И сколько бурь, заботъ и треволненій
Тѣмъ болѣе — что сушь, какъ океанъ
Возволнованный, — вездѣ заколебалась!
Тѣмъ болѣе — что всюду противъ нихъ
Разставили таинственныя сѣти
Подземные властители земли!
Тѣмъ болѣе — что племя молодое
Зачислило себя въ передовое,
И видя въ нихъ — вѣковъ минувшихъ слѣдъ,
Хранителей порядка давнихъ лѣтъ!
Глядятъ на нихъ почти съ пренебреженьемъ,

Легко ли волнъ потокъ остановить,
Минувшее съ грядущимъ примирить?
Нѣтъ!... Далѣе! —
Въ блистающемъ чертогѣ
Сынъ роскоши и нѣги возлежитъ,
Вокругъ его статуи, колоннады
И золото, и мраморъ и фарфоръ,
И нѣтъ его желаніямъ преграды!
Но что-жъ его разсѣянъ томный взоръ?
Не все-ль ему въ созданіи послушно!
Не все-ль купить — себѣ присвоить могъ?
И смотритъ онъ небрежно, равнодушно,
Иль это всѣхъ житейскихъ благъ итогъ?
Лицо его подернуто дремотой
И вспыхнетъ ли въ немъ страсть еще порой?
Онъ знаетъ самъ — все кончится зѣвотой!
Заранѣе — удѣлъ онъ знаетъ свой!
Нѣтъ?... Далѣе! —
Красавица проходитъ
И цѣлой рой поклонниковъ за ней!
Царицею идетъ она межъ ними!
И ловятъ всѣ улыбку, взоръ очей!
Но что-жъ она небрежно, безучастно
Глядитъ на нихъ — внимаетъ рѣчи страстной.
Иль на вѣкъ ей такая часть дана?
И эти всѣ потоки обожаній
Пріемлются, какъ должныя ей дани?
Иль идоловъ безчувственнѣй она?
И гдѣ-жъ любовь? Гдѣ жизни въ ней основы?
Мнѣ жаль ее — съ такою пустотой,
Едва-ль она мгновенье счастья знала!
Безчувственна, бездушна, — какъ кумиръ
Проходитъ вдаль, —
А тамъ — иль міръ волшебной?

Какая смѣсь — русалокъ, фей, сильфидъ!
И призраки, герои, полубоги
Являются несутся предо мной!
А это кто?... Съ высокаго балкона
Не Юлія-ль въ даль темную глядитъ?
Ромео ли выходитъ на свиданье?
Иль слышатся Камиллы заклинанья?
Кто-жь эта бурь, страданій, думъ полна,
Не Федра ли въ ней вся воплощена?
Не слышите-ль, что міръ ее отцами
Исполненъ весь? И черными очами
Не всѣхъ ли васъ она испепелитъ?
И какъ ее величествененъ видъ!
И шумныя гремятъ рукоплесканья?
И топотъ, гамъ, восторги, восклицанья:
И вотъ на всѣ и дани, и цвѣты
Царицею искусствъ и красоты
Глядитъ она! — Все полно блеска, свѣта,
Но знаемъ мы изнанку жизни этой!
И молнійный ее провидитъ взоръ,
Что славы всей подкладкою позоръ!
Нѣтъ?... Далѣе!

Прохладенъ вечеръ, тихъ,
Какъ чудно все, прекрасно въ міроздавьи,
Какъ злачныя раскинулись поля!
Тамъ — мѣсяца въ волнахъ рѣки сіянье,
И розами усыпана земля!
И полный звѣздъ наметъ на мірѣ этомъ,
Объемлющій лазурнымъ полусвѣтомъ!
И будто все-міръ, небо и весна
Сливаются однимъ речитативомъ,
И все поетъ — любовь, любовь одна,
И полно все къ любви одной призывомъ
Кого-жъ они къ любви зовутъ, манятъ?

Не юноша-ль тамъ съ дѣвой передъ ними?
И къ ней одной его прикованъ взглядъ!
Слились они душами и устами!
На что имъ знать — земля и небеса
Красуются-ль, любуются ли ими?
На что имъ всѣ созданья чудеса,
Не все-ль любовь? — Любовь не вѣчно-ль съ ними?
И любящихъ чету Господь пріосѣни!
Они вѣнецъ земли, не въ нихъ ли цвѣтъ творенья?
Отъ искушеній ихъ соблазновъ охрани!
И да не грянетъ имъ минута пробужденья!
И какъ же послѣ жить?
Нѣтъ! Сердцемъ я засну,
И не приму я части въ мірѣ этомъ!
И ни къ чему руки не протяну,
Но жизни ночь бѣжитъ передъ разсвѣтомъ!
Есть міръ, гдѣ все одна любовь!
Гдѣ все гармонія, блаженство безконечно,
Гдѣ все, что сгибло здѣсь — возстанетъ вновь и вновь!
И тамъ проснемся мы — къ любви воскреснемъ вѣчной!
Проснулась я — и гдѣ?
Все тотъ же міръ земной,
Чего искать — желать?
Я не чувствую влеченья никакого,
Ни къ чему, во мнѣ порыва страсти нѣтъ!
Выше-ль, ниже-ль я?... Не знаю! Но земнаго
Не манитъ меня чуть слышимый привѣтъ!

Къ женщинамъ.

le monde plus que jamais a besoin de vous

Плывутъ надъ моремъ облака;
Надъ моремъ—радуга играетъ,
Надъ бездной Вѣчнаго рука
Свѣтилъ дружины разсыпаетъ.
А море бушуетъ—а волны ревутъ,
Какъ будто хаоса всѣхъ ужасовъ полны,
Но грани указанной имъ не прейдутъ,
И тщетно вздымаются бурныя волны,
Иль слышатъ кочующихъ облакъ привѣтъ,
Иль міръ провѣщаетъ имъ радуги свѣтъ!
Надъ сушью есть небесъ лазурь
И чьи во мракѣ полуночи—
Межъ вѣчныхъ звѣздъ—превыше бурь
Блестятъ привѣтливыя очи?
Когда погружаясь во прахъ человѣкъ
Идетъ каменисто-песчаной дорогой,
И въ этотъ холодной практичности вѣкъ
За міромъ не видитъ, не чувствуетъ Бога,
Кто взоромъ разсѣетъ полуночи тьму?
Кто помощи руку протянетъ ему?
Возстаньте женщины! Васъ подвигъ ждетъ высокой,
Не видите ли вы — съ заката до востока
Какъ будто цѣлой міръ въ Сахару обращенъ.
Не видите-ль на всемъ печати отверженья?

И всюду лишь тельцу златому поклоненье!
Иль надъ землей одинъ властительствуетъ онъ?
Возстаньте! время! въ путь безъ страха!
На подвигъ новый вашъ! впередъ!
И міръ — какъ Лазаря изъ праха
Вашъ голосъ дивный воззоветъ!
Пускай мужчина царь созданья,
Земли властитель и глава!
За вѣки скорби и страданья
Даны вамъ ангеловъ права!
Земная власть — вѣнецъ терновой,
Не вамъ карать! не вамъ казнить!
Любовь — всей жизни вашей слово,
Удѣломъ вамъ: — прощать — любить!
Скользя надъ жизнію мятежной
Отъ вѣка преданной грозамъ,
Вы міръ унылый, безнадежный,
Не увлечете-ль къ высотамъ?
Не вы ли преклоняетесь въ сіяніи весны,
Когда на міръ почіющій любви нисходятъ сны?
Не вѣетъ ли гармоніей привѣтный звукъ рѣчей?
Не свѣтится-ль любовію взоръ ласковыхъ очей?
И кудри золотистыя развѣявъ по плечамъ
И вы ли міру кормчими къ далекимъ небесамъ?
Не вамъ ли предназначено свершать святой завѣтъ —
Во мракѣ слѣпотствующихъ заставить видѣть свѣтъ?
И узникамъ томящимся сомнѣнія въ цѣпяхъ
Являть нерукотворную обитель въ небесахъ?
И недугомъ страдающихъ въ темницѣ посѣщать,
И сердцемъ каменѣющимъ — любви и вѣры дать?
Какъ жены мироносицы — не вы ли быть должны
Вселенной провозвѣстницы любви и тишины?
Но еслибъ не исполнилось.... Но еслибъ пали вы,
Послѣдній въ мірозданіи погасъ бы лучъ любви!

Какъ будто время кончилось — и нѣтъ зари иной!
И саваномъ ничтожества — облекся-бъ міръ земной!
Но нѣтъ!... Но нѣтъ!... Любовью полны
Среди пучинъ, волненій, грозъ
Вы умирите бездны волны
И въ міръ устроится хаосъ.
Какъ Бога провѣщатели невѣрующимъ вы
И міръ къ землѣ прикованной возвысьте до любви!

Нордкапъ.

На вершинѣ Нордкапа — надъ бездной стою,
Что за трепетъ проникнулъ всю душу мою?
Безграничнымъ пространствомъ раскинута даль,
Гдѣ могущества Господа всюду скрижаль.
Я одинъ средь пустыни — я точно одинъ,
Будто моря, утеса и безднъ властелинъ!
И невольно склоняюсь предъ Господомъ силъ,
Что мечту моей юности первой свершилъ,
И Нордкапъ я увидѣлъ!... стоитъ великанъ,
А подъ нимъ безграничной шумитъ океанъ,
Но напрасны прибои бушующихъ волнъ,
Онъ стоитъ неподвижнымъ — величія полнъ,
Полуночное солнце утесъ золотитъ,
А подножье въ таинственномъ мракѣ лежитъ!

Гульфштримъ.

Ты видалъ протекающій тихо гульфштримъ
Межъ холодными моря волнами?
И не могутъ тѣ воды освоиться съ нимъ,
Только служатъ ему берегами!
И отъ вѣка его охладить не могли,
Онъ изъ солнечной, знойной отчизны
До границъ, океанъ, окраинъ земли —
Протекаетъ источникомъ жизни.

И не мало племенъ — не одинъ материкъ
Согрѣваетъ онъ теплымъ дыханьемъ.
И куда животворный потокъ не проникъ,
Грозный холодъ царитъ надъ созданьемъ.
Все молчитъ — неподвиженъ — пустыни просторъ
И какъ тундры — вся высь недвижима,
Лишь паритъ въ поднебесьи могучій кондоръ,
Видитъ степь — и проносится мимо.
Если ты въ мірозданьи проходишь порой,
Какъ живучій потокъ межъ волнами,
Не сливаясь съ холодною жизнью земной,
Ни съ надменными вѣка умами,
Не удѣлишь ли чувства и вѣры ты имъ,
Не укажешь ли лучшей отчизны?
И какъ въ морѣ холодномъ текущій гульфштримъ
Ты не будешь ли вѣстникомъ жизни?

Поднимайся.

Поднимайся душевно надъ жизнью какъ птица
И что будетъ земное преградой, границей?
И ширяя съ орлами — въ небесной лазури
Надъ кочующей тучей, надъ шумящею бурей,
Посмотри на земныя тревоги, заботы,
На успѣхи пигмеевъ, на ихъ недочеты,
И откинувъ тумановъ земныхъ покрывало,
Какъ все въ жизни покажется суетно, мало,
Но какъ будто есть общая связь межъ мірами —
Не любовь ли и землю миритъ съ небесами?

Кораллы.

Кто въ раздумьи надъ моремъ склонясь глядитъ
На огромные рифы коралла?
Что нерушимѣй самыхъ пустынь — пирамидъ —
И какая ихъ сила сковала?
Тамъ — вѣнокъ изъ кораллovъ возникъ изъ воды,
Утонувшаго острова темя;
Эти рифы — вѣковъ допотопныхъ слѣды;
И не сроютъ ихъ море, ни время —
И какъ звѣзды на небѣ лежатъ острова,
Гдѣ полиповъ срослись поколѣнья —
Тамъ — утеса изъ водъ возстаетъ голова,
Ни почемъ ему волнъ нападенья!
Какъ цвѣты океана кораллы ростутъ
И на зло разъяреннаго моря,
Средь прибоевъ бушующихъ чудно живутъ,
Съ океаномъ въ могуществѣ споря.
Тамъ — деревья и куполъ — тамъ — замокъ, скала,
Гдѣ полиповъ срослись милліоны,
Гдѣ подобная община въ мірѣ была?
Гдѣ ее такъ свершались законы?
Всѣ добычи въ единственный, общій итогъ
Всѣмъ равенство труда, наслажденья
И ни кто изъ нихъ братства оставить не могъ,
Не за тѣмъ ли что нѣтъ въ нихъ движенья?
Долго путникъ на море въ раздумьи смотрѣлъ,
Или вызналъ созданья онъ слово,

Иль постигъ человѣчества общій удѣлъ?
И провидѣлъ тамъ міръ образцовой?
И внезапно воскликнулъ: — нашелъ я — нашелъ!
Вотъ гдѣ мудрости намъ указанья!
Здѣсь я тайну природы подмѣтилъ, прочелъ
И чело обновлю я созданья!
Теперь-то настанетъ намъ вѣкъ золотой,
И общиной дивной міръ будетъ земной!
Какой я порядокъ устрою, создамъ,
Бытъ древній полиповъ доступенъ и намъ!
Не надо богатыхъ, ни бѣдныхъ — и міръ
Проявитъ равенства всеобщаго пиръ!
Не надо отчизны, семейства, жены
Равно всѣ блаженствовать въ жизни должны,
Равно всѣмъ доступны, любовь — красота,
Что собственность? — кража! — что ревность? мечта!
И чувственность въ людяхъ я самъ разовью,
Но страсть — наслажденьемъ — какъ моремъ залью!
Падетъ предразсудковъ отжившій кумиръ,
И какъ запируетъ разнузданный міръ?
За общей трапезой, въ угоду людей,
Сберу я всѣ дани съ земли и морей,
Заискрятся вина — ан зашипитъ,
Музыка пирующихъ слухъ усладитъ,
И будто волшебной тотъ замокъ готовъ,
Гдѣ вся воплотится премудрость вѣковъ.
Не даромъ великій я вижу примѣръ,
Я дивной устрою по немъ фаланстеръ,
Гдѣ всѣмъ равноправность и счастья законъ —
Исчезнутъ отличья народовъ, племенъ
Въ одной человѣчества общей семьѣ
И вѣки узнаютъ: что сдѣлалъ Фурье!

Пѣсня Лапландца.

Kennst du das Land?

Ты знаешь ли страну обѣтованья,
Гдѣ корень есть — волшебной корень тотъ,
Что въ тяжкіе дни скорби, испытанья,
Какъ вѣрный другъ — отраду въ сердце льетъ?
Тотъ другъ — кому нѣтъ нужды въ родословной,
Кому кадятъ со всѣхъ земли сторонъ?
И въ міръ какой чудесной, баснословной
Поклонниковъ своихъ уводитъ онъ?
Туда! туда! — чрезъ дебри и пустыни
Въ тотъ дивный край — готовъ идти я нынѣ.

*
* *

Не онъ ли даръ намъ матери природы,
Чтобъ мы порой забыться съ нимъ могли?
Его земли всѣ чествуютъ народы,
Знать что-то въ немъ волшебное нашли!
Когда зима сковала тундры льдами,
Когда буранъ и юрты всѣ занесъ
Намъ тотъ же другъ — какъ мòрокъ надъ водами
Являетъ міръ — какихъ-то чудныхъ грезъ! —
Туда!... Туда!... Гдѣ онъ родится — нынѣ
Пойду съ тобой чрезъ дебри и пустыни.

И будитъ онъ — въ душѣ моей унылой,
Подъ пѣсни вьюгъ родимой стороны,
Какія-то невѣдомыя силы,
Какія-то чарующія сны!
И словно миръ въ душѣ моей тревожной,
Въ борьбѣ ли я съ природой изнемогъ?
И кажется, съ нимъ многое возможно,
Чего бъ одинъ придумать я не могъ.
Туда!... Туда!... Чрезъ дебри и пустыни,
Въ тотъ дивный край — готовъ идти я нынѣ.
Такихъ какъ онъ властителей не много,
И нѣтъ такихъ деспотовъ межъ людей;
Народы есть — незнающіе Бога,
И грады есть — безъ храмовъ, алтарей;
Но островъ гдѣ иль край земли далекой,
Гдѣ не былъ бы примѣтой жизни онъ?
И царствуетъ съ заката до востока,
И сѣверъ имъ и югъ закабаленъ!
Туда!... Туда!... Чрезъ дебри и пустыни,
Гдѣ есть табакъ — гдѣ онъ родится нынѣ.

*
* *

Когда-жъ для насъ ударитъ часъ урочный,
Возляжетъ ночь — надъ дремлющей землей;
Товарищъ мой — во тьмѣ онъ полуночной,
Средь тундръ моихъ — сопутникъ вѣрный мой,
Со мною онъ — при сѣверномъ сіяньи,
Свершу ли путь съ нимъ сладко отдохну.
И дайте мнѣ всѣ блага мірозданья,
Къ нему, къ нему я руку протяну.
Туда!... Скорѣй!... Чрезъ дебри и пустыни,
Въ тотъ дивный край пойдемъ со мною нынѣ.

Общій другъ.

Другъ лапландца, европейца
Дамъ изящныхъ, и старухъ,
Парижанина, индѣйца,
Вотъ онъ, вотъ онъ общій другъ!

*
* *

Другъ и юноши, и дѣда,
И вельможи безъ заслугъ,
Джентьменовъ, самоѣда,
Вотъ онъ, вотъ онъ общій другъ!

*
* *

Другъ камеліи, модистки,
Всѣхъ имѣющихъ досугъ,
Другъ студента, нигилистки,
Вотъ онъ, вотъ онъ общій другъ!

Пчелка.

За чѣмъ меня вы маните въ чужбину,
Гдѣ есть луга и пажити цвѣтовъ?
Люблю свою уютную долину,
Люблю я свой спокойный, тихій кровъ!
Хотя бы въ даль пространства голубаго
Съ весною я кочующей неслась
Мнѣ въ мірѣ нѣтъ пристанища другаго,
Какъ рой гдѣ я росла и развилась.

Замѣнятъ ли пенаты мнѣ чужіе
Мой тихій долъ и горы, и лѣса,
Отъ юности знакомыя, родныя —
Замѣнятъ ли чужія небеса?
И здѣсь цвѣты — весны на общемъ пирѣ
За чѣмъ искать, летать намъ далеко?
И нѣтъ страны, убѣжища мнѣ въ мірѣ,
Гдѣ-бъ такъ жилось привольно и легко!

Холодъ, иней, блескъ алмаза,
Рѣчки видъ — снѣга полянъ,
Багатырскій ключъ Кавказа
Намъ зима родимыхъ странъ.
Сѣверъ весь намъ отчимъ домомъ,
Край приволья — силъ, ума,
И вредна лишь насѣкомымъ
Наша русская зима.

ПОѢЗДКА ВЪ СИМБИРСКЪ.

Отъ 18-го Августа, до 3-го Сентября 1864 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стенька Разинъ . . . . . 19 Августа.
Плаваніе . . . . . 20 «
По Волгѣ . . . . . 20 «
Симбирскъ . . . . . .
Конторка Сиверса . . . . . съ 20 на 21 «
Въ лодочкѣ . . . . . 21 «
Симбирскъ . . . . . 31 «
Полчаса въ Казани . . . . . 1 Сентября.
Козмодемьянскъ и Чебоксары . . . . . 2 «
Рубка . . . . . 2 «
Голосъ жителей Симбирска.

ПОѢЗДКА ВЪ СИМБИРСКЪ.

Стенька Разинъ.

Кто это гуляетъ по Волгѣ широкой,
Гдѣ я былъ владыкой — гдѣ я атаманъ?
Гдѣ бросилъ я въ волны и дѣву востока,
Гдѣ бичь мнѣ издавна чарованный данъ!
Какъ смѣютъ всѣ эти ладьи, пароходы
Пестрить мнѣ подвластныя изстари воды?
Какъ смѣютъ Европа съ востокомъ въ бою
Оспоривать вѣрную Волгу мою?
И эти курганы — не тѣ ли престолы,
Гдѣ міра могучихъ казнилъ я крамолы.
Смотрите! — вотъ дивная шапка моя,
Предъ коей всѣ низовья гнулись края!
И вамъ ли пигмеямъ досталось на долю
Мою непреклонную сдерживать волю?
Не знаете-ль — давнихъ временъ чародѣй.
Слился и сроднился я съ Волгой моей!
И вашему-ль мелкому знать поколѣнью,
Что я тамъ гуляю полуночной тѣнью?
И если вы боретесь съ Волгой, съ грозой
Бесѣду ведете вы сами со мной!
Искусствомъ вы силитесь сдерживать волны

Я-жъ волей могучею ихъ укрощалъ!
И силой великою, удалью полный
Ярлыки я самымъ грозамъ насылалъ!
Куда-жъ вамъ безумные биться со мною,
Когда васъ полуночи тѣнью накрою?

Плаваніе.

Течь! — тонемъ!... часъ еще не болѣ
И нашъ земной свершился-бъ путь!
Пришлось бы волей иль неволей
Изъ міра въ міръ перешагнуть!

*
* *

Быть можетъ, такъ и лучше-бъ было
Земной я жизнью не жила,
Великолѣпною могилой
Меня бы Волга обняла!

* *
*

И конченъ путь тревогъ, волненья!
Но кто-бъ согласенъ былъ со мной?
И это въ пору пробужденье
Спасенья можетъ быть виной!

*
*

Но вдаль и вдаль — бугры мелькаютъ
Не Стеньки-ль Разина столы?
И давнихъ лѣтъ напоминаютъ
Разбои, пытки, кандалы!

Но вотъ Казань!... Иль пристань эта
Великолѣпный сонъ поэта?
Какой-то новый, дивный свѣтъ
Судовъ и барокъ — счета нѣтъ!
Но слышно: — въ Симбирскѣ объятомъ пожаромъ,
Не могутъ огня потушить,
И грусть налегала на сердце не даромъ!
Куда намъ главу приклонить?
Илъ развито всюду опасностей знамя?
То язва, то бунты — кто тонетъ, горитъ;
Иль намъ назначенье изъ Волги да въ пламя?
Но всюду насъ Богъ сохранитъ.

На Волгѣ.

Тамъ церковь, тамъ утесъ — картинъ волшебныхъ рядъ,
И будто всѣ они бѣгутъ назадъ — назадъ.
И неподвижныя мелькаютъ передъ нами
Съ своими селами, обрывами, скалами;
А движимся — лишь мы, — и насъ по глади водъ
Уноситъ вдаль и вдаль летучій пароходъ.
И все, что кажется бѣгущимъ далѣ, мимо,
Незыблемо стоитъ — грозой несокрушимо!

Симбирскъ.

Гдѣ бывшій городъ? что за лица
Стоятъ въ унынiи кругомъ?
Гостепрiимства гдѣ столица?
Гдѣ былъ радушный всѣмъ прiемъ?

***

Иль разверзались здѣсь волканы?
Не ихъ ли жерла тамъ дымятъ?
Стоятъ лишь печи великаны
О жизни бывшей говорятъ!

***

Все на возахъ — и все готово
Бѣжать — бѣжать куда нибудь;
Какъ тигръ — стремится пламя снова
Съ развалинъ тлѣющихъ прыгнуть.

***

Передъ толпой окаменѣлой
Вновь языки ползутъ огня;
Какъ трупъ истлѣвшій обгорѣлой
Лежитъ пустырь вокругъ меня!

И вотъ Симбирскъ! Пріютъ бывалой
Красавицъ, граціи - ума!
Какихъ въ Россіи было мало!
И чтожъ теперь? — Унынье, тьма!

*
* *

Но говорятъ останки эти
И въ неподвижности своей!
Гдѣ только хлѣба просятъ дѣти,
Да стоны слышны матерей!

*
* *

Придетъ ли путникъ въ край родимой,
Гдѣ отчій домъ? — Исчезъ и слѣдъ!
И всѣмъ отвѣтъ неизбѣжимой:
Симбирска нѣтъ! Симбирска нѣтъ!

Конторка Сиверса.

Землетрясенье что ли это?
Какъ будто полъ въ тиши ночной
Заколебался подо мной!
И здѣсь пріютъ мой до разсвѣта!
И трудный мой оконченъ путь,
Засну быть можетъ какъ нибудь!
Но эти матери — и дѣти!
И просятъ хлѣба — чѣмъ помочь?
О! Какъ малютки жалки эти!
И длится, длится эта ночь!
А вѣтеръ дуетъ — вѣтеръ воетъ,
Досчатый домикъ весь дрожитъ,
И чѣмъ-то день насъ успокоитъ?
И что-то утро возвѣститъ?

Разсѣтъ.

Что это? — Да волны вокругъ насъ бушуютъ,
И Волга пріютъ нашъ кругомъ облегла!
Такъ это-то пристань и берегъ желанной
И въ лодкѣ пуститься по этимъ водамъ?
И волны заплещутъ, и вѣтеръ задуетъ!
Но будетъ, что будетъ — не жить же мнѣ тутъ!
И Волга едва ли враждебной мнѣ будетъ,
И что бы не ждало — спокойно — впередъ!
И странниковъ бѣдныхъ Господь не забудетъ,
И вѣтры утихнутъ — и солнце взойдетъ!

Ну, чтожъ ты бушуешь? О Волга родная!
И мнѣ ли грозишь ты? — Родная ты мнѣ!
Ты предковъ, пришельцевъ съ востока вспоила,
Съ ихъ плотью и кровью мнѣ въ сердце влилась!
И въ мелкой, ничтожной моей обстановкѣ
Не ты ли источникомъ дивной мечты?
Не ты ли началомъ и яснаго взгляда,
И бурь — возникающихъ въ сердце порой?
Когда же дни слѣдуютъ мирно за днями
Не ты ли баюкаешь душу волнами?
И будто съ тобою одной мы семьи,
Когда отражается въ насъ міроздапье,
И въ сердцѣ не бури-ль бушуютъ твои?
И въ думахъ — не кроется-ль волнъ колебанье?
Ты видишь — ты знаешь такъ много — а я....

Откуда мнѣ эти картины, видѣнья?
Какъ будто далекихъ временъ отраженья?
Не ты-ль, омывая прибрежья страны,
Колебля лазурное небо съ звѣздами
Во мнѣ зарождаешь волшебные сны?
Какъ будто есть тайная связь между нами!
И всѣ тебя матушкой Волгой зовутъ,
Одна ты подобное носишь прозванье!
Недаромъ народовъ тебѣ величанье,
А я тебѣ кажется больше сродни!
Когда жъ въ прохладныя объятья
Меня зовешь ты — смерть приму
Безъ отрицаній, безъ проклятья
Прилягу къ лону твоему!
Меня волнами обнимая,
И какъ дитя, пріосѣня
И тамъ, какъ ближняя, родная,
Ты убаюкаешь меня!

Вотъ!... Я въ лодочкѣ легкой несусь по водамъ
Стоитъ шагъ оступиться — и въ Волгѣ я тамъ,
Или Волга сердитой заплещетъ волной
И какъ разъ ознакомлюсь съ ее глубиной!
И плыву я безмолвно — съ поникшимъ челомъ,
Сушь и волны не равнымъ ли къ Богу путемъ?

Симбирскъ.

Я ѣду — и городъ бывалой
Пустыней лежитъ вкругъ меня!
Лишь печи стоятъ великаны
Въ сіяніи блѣдномъ луны!
Какъ будто бы въ саванѣ бѣломъ
Весь городъ живой погребенъ!
Повсюду печать разрушенья,
Огня неизгладимой слѣдъ.
И тяжко въ краю опустѣломъ
Не воздухомъ, гарью дышать!
И новой, какой-то Помпеи,
Являютъ развалины видъ!
Гдѣ признакомъ жизни — лишь горе,
Да плачь безпомощныхъ дѣтей!

Полчаса въ Казани.

Казань!... Казань!... Вотъ башня Сююмбеки
Воинственной царицы давнихъ лѣтъ;
Она живетъ еще въ бытописаньи,
И духъ ее какъ будто сторожитъ
Казань свою — свой край родной, любимой,
И если насъ завидитъ съ высоты,
Не радостно ей русскихъ приближенье
И насъ едва-ль привѣтствуетъ она!

Но лучшія есть намъ воспоминанья
Здѣсь славою все полно вѣковой,
Вотъ памятникъ воителямъ Россіи,
Не мало ихъ въ честныхъ бояхъ легло,
И царство намъ они стяжали кровью
И память ихъ молитвою почтимъ:
Миръ праху ихъ!

Вотъ путь, гдѣ проходилъ
Съ дружинами нашъ Царь завоеватель,
Не Грознаго-ль здѣсь слѣдъ напечатлѣнъ?
Не носится-ль величественной тѣнью,
Въ отвѣтъ хуламъ, младому поколѣнью,
Казань, Казань указываетъ Онъ!
И если-бъ въ синевѣ туманной этой дали,
Изгубленныя имъ толпами возставали,
Припомнятъ ли и тамъ страданій, скорби дни?

Быть можетъ, Грозному они жъ приносятъ дани?
И покорителя въ немъ чествуютъ Казани,
И тамъ еще душой не Русскіе-ль они? —
Но ѣдемъ вдаль — при мѣсячномъ сіяньи,
Вотъ муллы тамъ проходятъ въ сторонѣ,
Не древности-ль вездѣ воспоминанья?
Не Азію-ль они являютъ мнѣ?
А улицы извилисты и тѣсны
Какъ строились издавна города,
Подумаешь, земли недоставало
Иль въ вѣки тѣ нужда людей сближала?
Хотѣлось бы все видѣть, все узнать,
Но время намъ — семь верстъ до парохода,
И ночь близка — пора друзья — пора!
И ѣдемъ мы — луны въ сіяньи бѣломъ,
Какъ древность — намъ Казань едва видна,
Какъ будто тамъ преданій сторона.
(Но какъ узнать — въ сосудѣ старомъ этомъ
Не новое-ль кипучее вино?)
И тихо ночь надъ міромъ разстилалась,
И Волга тамъ предъ нами волновалась,
Колебля намъ знакомый пароходъ.
Прощай Казань!... И ты, и мы впередъ!

Козмодемьянскъ и Чебоксары
Великолѣпный рядъ картинъ!
Смѣсь Руси новой съ Русью старой,
То смотрятъ села горъ съ вершинъ,
То Божій храмъ — то лѣсъ — то хата,
То лодка тамъ — по зыбямъ водъ,
То въ блескѣ розовомъ заката
Бѣжитъ сынъ вѣка — пароходъ.

Рубка.

Мы были въ рубкѣ — много насъ
Былъ раутъ въ полномъ смыслѣ тѣсной,
Луна какъ блещущій алмазъ
По высотѣ плыла небесной,
И отражалась въ зыби водъ,
Лучемъ серебрянымъ далеко,
Иль тамъ съ лазоревыхъ высотъ
Сіяло Господа намъ око?

***

Тутъ были дамы разныхъ лицъ,
И господинъ весьма разумной,
Тутъ были жители столицъ
И воплощался Питеръ шумной.
Въ иныхъ изъ насъ — и разговоръ
Былъ полонъ думъ — принциповъ вѣка,
И былъ сужденьямъ всѣмъ просторъ
О назначеньи человѣка!

***

Объ узахъ брака — о любви,
Но все-ль такъ ломко, скоротечно?
Кто прежде-бъ могъ друзья мои
Любя — любви не вѣрить вѣчной?

Пусть были счастливы мечтой,
Но съ ней — все небо въ грудь сіяло,
Съ любовью первою, святой
Казалось — вѣчности всей мало!

*
* *

Вездѣ сомнѣнья — вѣры нѣтъ,
И будто сумракъ сталъ разсвѣтомъ;
И ветхой вызванъ былъ Завѣтъ,
Какъ подсудимый въ спорѣ этомъ!
Адамъ и Эвва — бѣдный Лотъ
И патріарховъ всѣхъ опека —
Добра и зла — запретный плодъ,
Все посыпалось солью вѣка.

*
* *

Какія связи иль законъ
Могли избѣгнуть осужденья,
Эмансипированныхъ женъ
Достойныхъ впрочемъ уваженья?
И въ самой рѣзкости своей
Блуждая въ тѣняхъ полусвѣта
Являли добрыхъ матерей
И съ привитою язвой этой.

*
* *

Рѣчь была о томъ, о семъ,
И говоръ былъ разноязычный;
Но въ разногласіи своемъ
Всѣ образованы, приличны.
Тутъ былъ и людъ передовой,

И консерваторскія мнѣнья,
Языкъ Россіи молодой
И быта прежняго сужденья.

***

Другъ друга мы не убѣдимъ,
И на своей мы точкѣ стали,
Но всѣхъ — хотимъ иль не хотимъ
Насъ жизнь и вѣкъ — уносятъ далѣ!
Куда?... Какъ знать?... Но въ путь! Впередъ!
Хотя согласныхъ взглядовъ мало,
И увлекалъ насъ пароходъ
И всѣхъ насъ Волга колебала.

Голосъ жителей Симбирска.

На берегу Свіяги мы
И нашъ ночлегъ — подъ кровомъ неба
Средь полуночной, бурной тьмы —
А дѣти эти — просятъ хлѣба,
А наши тамъ горятъ дома!
Повсюду огненное море!
И въ перспективѣ намъ сума,
И всѣ въ одномъ слились мы горѣ!
Что вѣкъ сбирали — сгибло въ часъ!
Едва мы сами уцѣлѣли!
И нѣтъ ни силъ, ни мысли въ насъ,
И словно мы окаменѣли?...

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	2 сверху	предмѣстьяхъ	предмѣстіяхъ.
4	11 »	правленіемъ	правленьемъ.
8	10 »	увѣриналъ	увѣреналъ.
37	13 снизу	верніотѣ	Верніотѣ.
53	11 сверху	видѣла	видала.
56	2 снизу	еще увидимъ	еще Ее увидимъ.
78	7 »	Уничтоженіе	Уничтоженія.
79	1 сверху	Уничтоженьемъ	Уничиженьемъ.
—	7 »	О польше	О польшѣ.
82	11 снизу	великій	великой.
85	8 сверху	И златали тебя	И златали въ тебѣ.
89	6 »	жизни	жизнь.
96	6 »	Не чувствуешь ли	Не чуешь ли.
110	11 снизу	И вы ли	Не вы ли
112	3 »	неподвижнымъ	неподвиженъ.
113	7 сверху	океанъ	океана.
127	5 »	А движимся	А движемся.
137	5 снизу	Рѣчь была	И рѣчь была.

LE Ap '09

LIBRARY OF CONGRESS
00025245507